

ВАДИМ РОССМАН

СТОЛИЦЫ

Их многообразие,
закономерности развития
и перемещения

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

Вадим Россман

**Столицы. Их многообразие,
закономерности
развития и перемещения**

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

2013

Россман В.

Столицы. Их многообразие, закономерности развития и перемещения / В. Россман — «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 2013

Переносы столиц представляют собой крупнейшие мегаинженерные проекты в истории человечества, которые также оказывают глубокое влияние на политическую жизнь государств. Хотя различные проекты переноса столицы рассматриваются сегодня более чем в 30 странах, этот феномен остается недостаточно хорошо и систематически осмысленным. В книге речь идет о моделях подобных переносов, схемах локализации столиц, исторических контекстах, мотивациях и формах принятия решений, а также методологических подходах к этому вопросу. Для оценки эффективности столичного города автор обращается к перспективам пространственной экономики, сравнительному изучению федерализма и семиотике городских пространств, анализу их иконографии, идеологии и символизма.

© Россман В., 2013

© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 2013

Содержание

Вступительное слово	5
Предисловие	7
Введение	11
Дисциплины, контексты и категории	11
Пространство и власть	13
Проблемы политической философии	15
Идентичность	16
Национальное мышление о пространстве	17
Некоторые предпосылки и гипотезы	19
План изложения	21
Глава 1	23
Предварительное определение	25
Функции столицы	28
Типология столиц	30
Исторические формы столиц	36
Аспекты истории и конституции национальных столиц	44
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Вадим Россман

Столицы. Их многообразие, закономерности развития и перемещения

Вступительное слово

ВАДИМ РОССМАН написал замечательную книгу, которая масштабна и энциклопедична по своим задачам и намерениям. Ему удалось на небольшом количестве страниц рассказать о том, как люди строят свои столицы, почему они делают это и зачем, как они перемещают их, создавая новые столичные центры. Собрав и проанализировав историю десятков столичных городов, он предлагает калейдоскопический взгляд на одно из ключевых явлений городской жизни – явление приматного города (*primate city*). Россман не просто представляет хронологию разрозненных историй, разделенных во времени и пространстве, но создает единый последовательный нарратив, который предлагает нам, живущим в данную историческую эпоху, несколько важных уроков.

Первый из этих уроков состоит в том, что перенос столицы является нормальной частью политической жизни. Как жителю Вашингтона мне иногда хотелось бы думать, что столицы являются неподвижными и статичными. Но они, конечно, не являются таковыми и никогда не были вполне устойчивыми. Сколько было столиц в Соединенных Штатах Америки? По крайней мере девять с того момента, когда начался процесс отпадения США от Британской империи¹. Более того, рассмотрение различных сценариев развития и кандидатур на роль новой столицы продолжалось и в XIX веке, когда сторонники продвижения на запад выступали за перенос столицы в другой город на берегах реки Миссисипи, предлагая, например, кандидатуру Сент-Луиса.

Как свидетельствует американский опыт, столицы переносятся по многим причинам. Они могут переезжать в близлежащий город на короткое время в ответ на военную оккупацию силами противника. Они могут перемещаться в соответствии с курсом смены региональных или политических интересов. Они могут возникать как физическое выражение нового политического режима или идеологии. Если даже такое относительно молодое государство, как Соединенные Штаты Америки, неоднократно прошло через процесс смены столицы, то в государствах Европы и Азии с их многовековыми историями и традициями подвижность столичного города была значительно сильнее. Оставляя в стороне примеры столиц древней Руси, а также других государств, которые периодически возникали на территории современной Российской Федерации, заметим, что только Российское государство после 1169 г. перемещало свои столицы четыре раза. Столица пребывала во Владимире (1169–1327), в Москве (1327–1712), Санкт-Петербурге (1712–1918) и опять в Москве (1918 – по настоящее время). Эти перемещения представляли собой драматические изменения в структуре российских элит, власти и в экономических реальностях. Между тем эра множественных столиц в Соединенных Штатах в период завоевания независимости сходным образом повторилась и воспроизвелась в целом ряде государств, освободившихся от колониального господства уже в XX веке.

¹ Филадельфия, Пенсильвания (5 сентября, 1774–12 декабря, 1776; 4 марта, 1777–18 сентября, 1777; 27 июля, 1778–21 июня, 1783; 6 декабря, 1790–14 мая, 1800); Балтимор, Мэриленд (20 декабря, 1776–27 февраля, 1777); Ланкастер, Пенсильвания (27 сентября, 1777 [один день]); Йорк, Пенсильвания (30 сентября, 1777–2 июня, 1778); Принстон, Нью Джерси (30 июня, 1783–4 ноября, 1783); Аннаполис, Мэриленд (26 ноября, 1783–19 августа, 1784); Трентон, Нью Джерси (1 ноября, 1784–24 декабря, 1784); Нью-Йорк, Нью-Йорк (п. январь, 1785–5 декабря, 1790) и Вашингтон, округ Колумбия (с 17 ноября, 1800).

Эта ситуация, как прекрасно демонстрирует Россман, имеет древнюю предысторию. Автор выявляет множество неочевидных закономерностей в этих процессах. Предлагаемый им анализ этого вопроса умело опирается на множество примеров, которые позволяют идентифицировать большое количество проблем и закономерностей, определявших жизнь столичных городов на всем протяжении мировой истории. Чрезвычайно интересен, например, анализ переноса столицы из Рима в Константинополь. Важно отметить, что сравнительный анализ, проделанный автором, особенно ценен, потому что включает в себя множество азиатских городов и цивилизаций наряду с западными, более знакомыми российской и европейской читательской аудитории. Таким образом, перенос национальных столиц с самых древних времен и в разных географических условиях предстает как часть естественного цикла истории и что в самом этом явлении нет ничего необычного, сингулярного или уникального.

Монография примечательна и по другой важной причине. Автор не просто рассказывает историю перемещений столиц, но пытается создать теоретическую рамку такого переноса, а также анализирует успешные и катастрофические примеры, опыты успеха и фиаско переносов столиц. Разумеется, критерии успеха зависят в первую очередь от причин, вызвавших это решение. В то время как причины и критерии успеха исторически изменчивы, мотивации переносов неизменно остаются прежде всего политическими. Россман отстаивает точку зрения, согласно которой достижение политических целей через механизм переноса столицы во многом зависит и основывается на успешности или неуспешности политической системы, предпринимающей подобный шаг. Другими словами, акт переноса столицы сам по себе не может разрешить того спектра политических проблем, которые перед ней стоят. Он может только помочь политической системе должным способом ответить на вызовы времени. Столица не станет успешной, если политическая система, которая создала ее, является несостоятельной.

В период, когда многие политические режимы рассматривают возможность переноса своих столиц – Казахстан и Бразилия уже пошли на этот шаг – эта прекрасная книга является отличным напоминанием о том, что подобные переносы являются нормальным явлением, явлением, которое сотни раз имело место в истории. Еще более важно то, что книга служит дополнительным напоминанием о том, что перенос столицы сам по себе не может решить глубоких структурных, демографических, политических и экономических проблем, стоящих перед государством в каждый конкретный момент. Задача и вызов времени состоят не просто в том, чтобы построить успешный столичный город (и существуют десятки способов и критериев оценки их успешности); задача состоит прежде всего в том, чтобы построить и утвердить успешное государство.

Блэр А. Рубл, Институт Кеннана,

Директор программы по глобальной устойчивости и адаптивному развитию.

Вашингтон, Округ Колумбия, 1 марта 2013

Предисловие

Непосредственным поводом для написания данной книги стали размышления о возможности и желательности переноса столицы России. На мой взгляд, в настоящих дискуссиях по этому вопросу, которые периодически возгораются и гаснут в публичном пространстве России, отсутствуют достаточная строгость и структурированность. На очередном их витке важно взглянуть на эту проблему более систематически и в более широкой исторической перспективе, попытавшись охватить многообразие форм, аспектов, стратегий, мотиваций и исторических прецедентов, относящихся к мировому опыту в этой области. В таком случае обсуждение этого вопроса может стать более конструктивным.

Однако интерес и актуальность этой темы не исчерпываются российскими дебатами и в не меньшей мере определяются текущими глобальными процессами за пределами России. Переносы столиц становятся все более распространенным явлением в мировой политической практике. Вторая половина XX века в целом была ознаменована беспрецедентным ростом количества столиц вновь образовавшихся государств. Если в 1900 году в мире было всего 40 столиц, то к 2000 году их было уже более 200, то есть за сто лет общее количество столиц суверенных государств выросло более чем в пять раз. Другим знаменательным моментом этого века были достаточно частые переносы старых столиц на новые места, которые происходили на всех континентах и во всех регионах мира (см. таблицу 2 в приложениях). Согласно подсчетам российского географа Сергея Тархова в XVIII–XXI веках – в грубом приближении с эпохи Французской революции – столицы были перенесены в общей сложности в 69 странах мира (Тархов, 2008). При этом парад новых столиц государств, освободившихся от колониального господства, парадоксальным образом совпал с тем, что некоторые социологи назвали закатом идеи национального государства и с подъемом глобальных городов (Бауман, 2006; Sassen, 2011).

Во многих странах переносы столиц были успешно или относительно успешно осуществлены (Бразилия, Казахстан, Австралия, Германия, Нигерия, Белиз, Бирма, Пакистан, Турция, Малайзия). В других были сделаны важные шаги для реализации этих планов и началось строительство новых городов (Афганистан, Объединенные Арабские Эмираты). В третьих приняты принципиальные решения о переносе столицы, хотя до сих пор не были найдены окончательные кандидаты на эту роль или подходящие механизмы для осуществления этих планов. В таких странах, как Иран, Япония, Египет, Индонезия и Либерия, дискуссии о городах-кандидатах, различных опциях и возможных сценариях продолжаются. В целом ряде стран в ходе воплощения планов – во многих случаях уже по ходу строительства новых городов – возникали проблемы (финансовые, юридические или связанные со сменой политических лидеров), в результате чего принятые проекты были отложены, свернуты или заморожены. Примерами таких стран являются Аргентина, Венесуэла, Южная Корея, Монголия и другие; здесь обсуждаются или корректируются первоначальные проекты переноса столичных функций (см. табл. 3 в приложениях).

Наконец, в десятках стран ведутся интенсивные дискуссии о переносе столицы, публичные, конституционные или парламентские (в Тайване, Таиланде, Непале, Бангладеше, Венесуэле, Китае, на Гаити, а также во многих африканских странах, среди которых Зимбабве, Кения, Гана и Сомали). К этой же группе стран относятся некоторые постсоветские государства – Киргизстан, Таджикистан, Грузия, Азербайджан, Армения и Украина. Вопрос о переносе столицы вставал также на повестку дня и в некоторых крупных западноевропейских странах, таких как Франция или Великобритания, хотя здесь эти дебаты носили или носят, скорее, маргинальный характер.

Интересно понять общие элементы, последствия и импликации этих процессов для логики глобального развития. Каковы общие тенденции, которые в них отражаются? Как изме-

нения характера политических центров вписываются в процессы глобализации, тенденции которых, казалось бы, им противоречат? Как соотносится парад новых столиц с распространенным тезисом об упадке национального государства и о подъеме и тотальном господстве глобальных городов в современную эпоху? Что в этих процессах является универсальным, а что специфическим для конкретных стран или регионов? В каком контексте и в каких категориях можно лучше осмыслить этот опыт? Какие методологические подходы и модели используют ученые и политики для анализа эффективности и реалистичности подобных проектов? Как можно примирить различные дисциплинарные подходы – а иногда и дисциплинарные предубеждения – в оценке этих планов? Насколько успешными можно считать уже осуществленные переносы столиц и как можно измерить их успех? Что может выступать более адекватным критерием их оценки – экономическая эффективность, к которой часто апеллируют их инициаторы, или какие-то иные параметры? Насколько выбор столичного места должен быть санкционирован специфическим географическим положением или другими особенностями места, которое предлагается на эту роль? Иными словами, существуют ли «правильные» места для столичного города? Обнаруживаются ли такие «правильные» места в процессе поиска или они *придумываются* и конструируются по каким-то особым законам?

К сожалению, насколько известно автору данной работы, в мировой литературе по урбанистике и политическим наукам явления такого рода еще не вполне отрефлексированы. Мало кто из авторов множества прекрасных и подробных описаний новых столиц, их планировок, истории, переименований или переносов, предпринимал попытки систематического осмысления переносов столиц как класса политических событий.

Тому, вероятно, есть несколько причин.

Многим историкам и политологам расположение столиц кажется явлением достаточно случайным, диктуемым конъюнктурой конкретных исторических ситуаций. Поскольку решения по этому вопросу принимаются отдельными правителями, существует соблазн рассматривать эту тему через призму субъективных и волюнтаристских решений, в которых по определению не может быть универсальной системы координат и объективной точки отсчета. В результате широко распространен нигилистический подход, согласно которому в этой области не может быть никаких универсальных закономерностей и общих схем принятия решения.

Исследование различных существующих моделей также трудно уместить в рамки дисциплинарно единого и целостного исследовательского проекта. Сложность такого рода исследования состоит среди прочего в его многоаспектности и неизбежно междисциплинарном характере. В выборе новой столицы часто присутствует слишком много различных переменных, которые редко поддаются всестороннему учету. Тема столицы, столичности и смены столиц в целом кажется слишком большой, многоаспектной и идеографической для общего теоретизирования, широких обобщений и универсальных рекомендаций. Здесь сам предмет анализа не вполне поддается и как будто сопротивляется таким большим и широким обобщениям.

Перенос столицы также иногда приобретает – особенно в глазах скептиков – репутацию темы, которая интересна и доступна, скорее, политикам и поэтам, чем ученым. Как иначе, чем в метафоре или вдохновенном призыве, можно схватить мечту нации о новом граде, волю народа и своеволие тиранов, вещие сны диктаторов, неуловимые зовы новых пространств, харизму вождей, пассионарные всплески народной воли, которые, как утверждают некоторые романтические историки, внезапно увлекают народы в путь с насиженных мест на поиски обетованной земли новой столицы. Как можно схватить эти импульсы и их боговдохновенную географию в сухом жаргоне научных абстракций и цифр? И даже если мы на минуту допустим, что все это может быть исчислено и каталогизировано, то как вернуть выверенную и исчисленную механику переноса назад в гущу народного энтузиазма, в органику национального воображения, в спонтанность действия, в пламя и память коллективной интоксикации этой идеей.

Тем не менее потребность в более общезначимых и рациональных подходах к этому вопросу, очевидно, существует и становится все более настоятельной.

Чтобы сегодняшние дискуссии о новой столице России не превращались в субъективный, холостой и малопродуктивный обмен газетными репликами, поэтическими метафорами и политическими лозунгами, продиктованными сиюминутной конъюнктурой, необходимо привнести в них некоторую теоретическую структуру и хотя бы общий исторический контекст. Для более продуктивного ведения этого спора настало время для обращения к более строгим языку и аргументам для описания тех проблем, с которыми сталкивались различные правители и государства, а также обсуждению конкретных моделей принятия решений и более упорядоченной и последовательной оценки исторических прецедентов. Такой подход мог бы сменить спекуляции и обмен более или менее произвольными аналогиями, случайными примерами и досужими соображениями для обоснования различных сценариев развития событий и кандидатур на роль новой столицы. Хотя вряд ли можно превратить перенос столицы в какую-то строгую или тем более точную науку, вероятно, полезно и продуктивно наметить и обсудить общую теоретическую систему координат и ставки в обсуждении этой темы, а также богатство ее политических, исторических и прочих теоретических импликаций, чтобы предотвратить монологичное и одномерное обсуждение этой темы в рамках каких-то строго очерченных дисциплинарных рамок.

Одной из задач данной работы как раз и является попытка разработки более структурированного подхода к обсуждению данной темы и введение в оборот более строгих рамок и системы категорий для ее обсуждения, а также попытка более широкого географически анализа разнообразных исторических прецедентов и их типологизация. Это обсуждение позволит взглянуть на российскую ситуацию, во многом уникальную, с точки зрения международного опыта и дать оценку возможностям и многочисленным уже существующим проектам и предложениям по смене столицы. Более непосредственно применимость международного опыта к российским дискуссиям, а также сложившиеся парадигмы спора о новой столице России обсуждаются автором в другой книге (Россман, 2013). В этой книге речь идет главным образом об исторических прецедентах и недавних примерах такого рода и их результатах.

Пользуясь случаем, автор хотел бы выразить свою признательность тем друзьям и коллегам, беседы с которыми способствовали его размышлениям о проблеме столичности. Мысли автора на эту тему стимулировали переписка, личные беседы и критические замечания Сиднея Монаса, Блэра Рубла, Леонида Стопча, Николаса Пужо (Франция/США), Ирины Лабетской (Канада), Владимира Николаева, Иосифа Россмана, Ярослава Шрамко, Петра Мирошника, Ольги Тулузаковой. Беньямин Паюк (Аргентина) и Ефим Шлугер (Бразилия) оказали помощь в идентификации статей, связанных с проблематикой Аргентины, Бразилии и Венесуэлы. Международный колледж по изучению проблем устойчивого развития в Бангкоке (International College for Sustainability Studies, Srinakharinwirot University), где автор в настоящее время преподает, создавал необходимые условия для работы над рукописью этой книги. Автор также признателен Валерию Анашвили за его неизменный интерес и сотрудничество в этом и других проектах.

Эта книга также отчасти писалась самими столичными городами. Улицы Москвы, Токио, Пекина, Канберры, Оттавы, Вашингтона, Катманду, Путраджайи, Лондона, Парижа, Рима, Брюсселя, Мадрида, Лиссабона, Вены, Праги, Берлина, Стокгольма, Амстердама, Гааги, Хельсинки, Тбилиси, Бангкока, Вьентьяна, Пномпеня, Рангуна, Стамбула, Иерусалима, Санкт-Петербурга и многих других столиц, городов и весей щедро делились со мной некоторыми своими тайнами и дарили неожиданные вдохновения и новые мысли.

Бангкок, 15 августа 2012

Введение

Дисциплины, контексты и категории

РАЗЛИЧНЫЕ аспекты переносов столиц привлекали внимание специалистов во многих разделах социальных наук – истории, социальной и экономической географии, юриспруденции, теории национализма, изучении стратегий общественного развития (public policy debates), теории и истории международных отношений, истории архитектуры, археологии, политических наук, социологии, экономике, демографии, регионалистике и теории военной стратегии. Исследования столиц и проблемы переноса также имеют важные импликации для разработки эффективных публичных программ, международного права и международных отношений. Некоторые аспекты этой проблемы затрагиваются также девелоперами и экспертами в области недвижимости, туризма, экологии, планирования городов и муниципального управления, систем коммуникации, транспорта и автомагистралей. Не будучи специалистом ни в одной из этих областей, я тем не менее буду апеллировать к некоторым из этих дисциплин в поисках теоретических парадигм для анализа данных и исторических прецедентов переноса мировых столиц.

Все это, конечно, не означает, что читателю здесь будет предложена просто эклектическая амальгама различных дисциплинарных перспектив на функции и задачи столичности и их воплощение в реальных практиках. Но автор надеется учесть в своем анализе эти различные перспективы для того, чтобы предложить более универсальный и всесторонний анализ столичности, концентрируясь на политическом содержании решений о расположении или переносе столиц в глобальной сравнительной перспективе. В центре моего анализа будет находиться вопрос о том, как в различных географических, геополитических, архитектурных, градостроительных, юридических, технологических и прочих решениях воплощаются конкретные политические стратегии государств. Как, порой в драматических обстоятельствах, нации решают вопросы своей идентичности и политической и социальной организации через выбор своего центра. При этом основной парадигмой данного исследования будет изучение *различных стратегий национального и государственного строительства*, которые дадут ключ к пониманию значения и достаточно широкой практики подобных решений в наши дни.

Одной из задач автора является также создание общетеоретической системы координат для анализа феномена столичности, которая может обогатить также наше понимание более общих вопросов в социальных науках, одним из которых, безусловно, является вопрос о формах и средствах национального и государственного строительства. Именно отсутствие такого теоретического каркаса, на мой взгляд, делает обсуждение этой темы менее продуктивным и менее понятным также на практическом уровне. Именно теоретический подход позволяет опознать контуры проблемы и обратить внимание на ее многоаспектность в самом конкретном и осязаемом смысле. Здесь предварительно необходимо по крайней мере назвать и обозначить некоторые из этих теоретических проблем.

Теоретические вопросы, которые я имею в виду, относятся главным образом к более фундаментальным историческим, макросоциологическим и философским темам, которые придают более широкий смысл, масштаб и значимость обсуждаемой теме. Эти темы связаны, прежде всего, с пониманием различных культурных практик столичности и *моделей отношений между властью и пространством*.

С точки зрения автора, тремя главными из этих фундаментальных тем, интимно связанных с обсуждаемой проблемой, являются темы эффективности новой столицы (прагматика), проблемы справедливости (нормативность), воплощенные в самом ее расположении и внут-

ренней структуре, и идентичности, прежде всего той идентичности, которая выражается в пространственных категориях. С этими тремя темами сопряжены три специфических круга вопросов. Какое месторасположение столицы может быть наиболее эффективно для решения государственных задач – военных, экономических и политических? Какое расположение может быть наиболее справедливо с точки зрения граждан или подданных государства? Какое расположение может быть наиболее органичным, аутентичным и отвечающим идентичности народа или цивилизации?

Все эти вопросы заостряют пространственный аспект общефилософской и общесоциологической проблематики. Речь здесь идет о прагматике, морали и онтологии сообществ и социальных коллективов в их соотношении с пространственными категориями – каким образом власть, справедливость и идентичность воплощаются в пространстве, как пространство способствует или препятствует осуществлению этих практических или идеальных элементов в реальных социальных и политических практиках. Могут ли пространственные формы служить эффективным проводником социальных изменений – более эффективной власти, более справедливой справедливости и более аутентичной идентичности?

Остановимся на каждом из этих аспектов и их особых императивах немного подробнее.

Пространство и власть

Эффективность политической власти воплощается в эффективности управления пространством и в самой его организации. Расположение столицы с этой точки зрения выступает в качестве важнейшего элемента механики и логистики самой власти («доставки» публичных благ). В этой системе координат месторасположение и характер функций надлежит оценивать с точки зрения оптимальности того рычага, которые они предоставляют власти для контроля над территорией, а также для укрепления, удержания, сохранения и расширения самой власти.

В концепции столицы сливаются две самые древние и самые мистические из мистик — *мистика власти* и *мистика пространства*. Власть создает и использует столицы как политические центры для установления, утверждения и поддержания порядка. Новые столицы также позволяют государствам по-новому ориентировать себя в политическом и экономическом пространстве глобализирующегося мира. Они создают рычаги внутри государства для более успешной мобилизации ресурсов управления и расширения при условии минимизации издержек для контроля над территорией. В этом смысле столицы можно рассматривать в качестве начал и фундаментальных элементов государственности, термодинамики самой власти.

Изучение траекторий перемещения столиц заставляет посмотреть с новой точки зрения на успех или фиаско многих государств в мировой истории. Концепция столицы и столичности позволяет также иначе осмыслить идею локализации власти и отношения между ее макро- и микропространствами, различные модусы и акциденции власти, формы сосуществования и взаимодействия власти и пространства в практиках различных культур и цивилизаций.

Обсуждение столичной тематики выносит на повестку дня также чрезвычайно важный вопрос о чувствительности политической организации государства к обустройству его пространств. Власть формирует и организует пространство в соответствии со своими целями и задачами, но организация пространства, в свою очередь, оказывает обратное влияние на логику властных отношений и политические институты. Изменения политических форм власти часто диктуют изменения в организации пространства и в его символизме.

Если формулировать вопрос в более конвенциональном дисциплинарном ключе, то он состоит в *формах взаимодействия политики и географии*. Политические конфликты могут мистифицироваться как географические конфликты и в политической практике часто получают географическое воплощение. Политика формирует пространства, но пространства, в свою очередь, формируют политику. Пространственные изменения, в том числе и переносы столиц, могут стимулировать определенные политические изменения и воплощать определенные политические идеологии. Географический конфликт может совпадать с политическим конфликтом, обострять его или усиливать. Пространство обладает свойствами усиления и ослабления власти, ее обобщения, разделения и обмена. Пространство консолидирует, фрагментирует, фасует и по-разному упаковывает и представляет власть и властные отношения.

При этом мистика власти и пространства часто дополняется и усиливается *мистикой центральности*. Именно центральность, как мы увидим ниже на множестве примеров, часто предлагается в качестве пространственной формы разрешения конфликта между двумя или несколькими противостоящими друг другу фракциями внутри государства.

Постмодернистский взгляд на мир пытался разрушить и деконструировать идею центра как такового. По мнению постмодернистов, в современном мире больше нет центра, нет единой арены и иерархии. В представлениях многих социальных теоретиков, которые не обязательно разделяли постмодернистскую программу, но тем не менее пользовались ее терминологией и некоторыми теоретическими выводами, идея центра приобретала все более виртуальный характер. При этом с точки зрения этих теоретиков субстанция центра в современном мире замещалась и продолжает замещаться различными потоками и энергиями. Все это поз-

воляло этим теоретикам говорить о принципиальной полицентричности или даже ацентричности современного социального пространства (Россман, 2009). В соответствии с этими, по сути постмодернистскими, представлениями само устройство власти в современном мире децентрализуется и детерриториализуется. В результате этих процессов власть материализуется не столько в физических точках, сколько в сетях, энергиях и микровзаимодействиях.

Обсуждение проблемы столичности позволяет, на мой взгляд, усомниться в этих выводах и поставить вопрос о том, что центры и центральность во многом сохраняют свою конвенциональную роль и значимость. Хотя речь не всегда идет о физической или всем понятной конвенциональной центральности, цивилизации по-прежнему ориентируются на центры, разыскивают или конструируют их и перемещают по определенным законам. И это во многом способствует разрешению возникающих социальных, политических и религиозных конфликтов.

В числе элементов эффективности пространства с точки зрения власти является легитимность и легитимация этой власти. В современных обществах легитимность определяется главным образом принципами справедливости и идентичности, о которых, в связи с переносами столиц, мы скажем несколько слов ниже.

Проблемы политической философии

Наряду с идеей эффективности взаимодействия власти и пространства в столичной проблематике чрезвычайно заострена идея справедливости. Причем эти две темы пересекаются и тесно связаны одна с другой. В современных демократических государствах эффективность расположения столицы во многом определяется тем, насколько она удовлетворяет принципам справедливости и нейтральности.

В месторасположении столицы, а также в ее морфологии и внутреннем обустройстве находят свое выражение *идеи политической философии*. Связь с этими идеями обнаруживается, прежде всего, в представлениях об идеальном государственном устройстве, идеях о социальной справедливости, краткосрочных и долгосрочных задачах общества, которые отражаются в видениях новой столицы. В дискуссиях на эту тему можно также видеть меру осознания обществом своих текущих задач.

Принципы социальной справедливости воплощаются в дистанции от составляющих государство групп, принципах инклюзивности или эксклюзивности в построении самих центральных или столичных пространств, включенности и представленности в них различных социальных групп и классов. При этом центральность часто служит пространственным выражением принципа справедливости, и она во многих случаях может играть ключевую роль в вопросах организации всей территории государства. Расположение столицы балансирует или регулирует отношения между основными составляющими системы, между центром и периферией и столицей и провинциями. Оно структурирует само пространство, а также сами реальные и возможные конфликты. При этом конфликты, возникающие на политической почве, в некоторых случаях могут разрешаться пространственным путем. Сама форма организации пространства может осложнять и искажать всю систему политических, экономических и человеческих отношений, но она же может и способствовать воплощению принципов справедливости и реконструкции социальных отношений.

Идентичность

Наконец, вопрос о столицах – это всегда и вопрос об идентичности или даже об экзистенциальном выборе. Французский антрополог Андре Леруа Гурон считал, что ориентация в пространстве может быть не менее фундаментальна для общества, чем собственно производственная деятельность (Leroi-Gourhan, 1965: 150). В каждой столице есть своя экзистенция, связанная с выбором нулевой точки, нулевого меридиана, по отношению к которому идет отсчет национального времени и национального пространства. И такой выбор, часто вытекающий из концепции идентичности, может быть не менее ответственным и судьбоносным, чем выбор стратегической позиции в ходе военного конфликта. Именно поэтому выбор столицы часто окружен важными религиозными или мифологическими представлениями подобно выбору веры.

Поиск идентичности сообщества, возникающего в результате трансформации старой общности, нового военного союза, политического альянса или коалиции или других процессов, часто сопряжен с *поисками нового центра*. Сегодня эти явления особенно заметны в процессах *формирования новых наций и национальных государств*. Их поиски и конструирование новой идентичности часто сопрягаются с основанием новых столичных городов или крупными перепланировками старых центров. Однако парадоксальным образом эта тема была обделена вниманием как в классических, так и в более поздних теориях национализма, в том числе в работах таких важных теоретиков, как Бенедикт Андерсон, Эрнст Геллнер, Эрик Хобсбом или Энтони Смит (Anderson, 1991; Smith, 1995).

Реконструкция истории возникновения европейских столиц создает предпосылки для более адекватного взгляда на историю европейских наций и формирование национального самосознания, в генеалогии которых столицы принимали активное участие, а также на различные стратегии территориального и национального развития. Понимание символических элементов и аспектов возведения и жизнедеятельности столиц могут пролить новый свет на конкретные идеи и пути становления наций и национализма.

Национальное мышление о пространстве

С концепцией идентичности тесно связано национальное пространственное мышление и национальные языки географического самоописания. Выбор столицы, помимо социально-политической прагматики, может определяться также этим национальным пространственным мышлением или даже *пространственным бессознательным культуры*. Именно национальное понимание и интуиции пространства во многом определяют логику обустройства и характер и механику восприятия пространства государства. В некоторых ситуациях именно пространственное бессознательное – бессознательные образы пространства и законы их конструирования – оказывает осязаемое или даже решающее влияние на политические построения и институты.

Выбор столицы в качестве центра или ее перенос – это своего рода акт конструирования образа пространства всей страны или всей нации в целом. Идентичность нации неизбежно служит одновременно источником и продуктом такого конструирования социального пространства. Конструирование пространства через выбор центра или столицы также сопряжено и с конструированием времени, о чем более подробно пойдет речь в одной из следующих глав книги.

Вопрос о столице поэтому – это, помимо всего прочего, всегда еще и вопрос о самом нашем мышлении о пространстве, которое специфично для различных стран и регионов мира и укоренено в национальной психее.

В этой связи стоит еще раз задуматься об уникальности российского пространственного мышления, в том числе и о свойственных ему фобиях, инерционных представлениях о государственности, концепциях центра и периферии, столице и захолустье, которые также органически вписаны в дискурс о столице и ее возможной смене. На мой взгляд, именно эти пространственные понятия и категории, возможно, лежат в основе некоторых устойчивых политических представлений и ориентаций, и их необходимо эксплицировать и расшифровать для более полного раскрытия нашей темы.

Пространственное мышление в целом играет особую роль в российской концепции идентичности, быть может, более важную, чем для большинства других народов. Россия – это страна, сосредоточенная на пространстве, зачарованная пространством, но часто и обманутая этим пространством. Не вполне отрефлектированная пространственная идентичность, возможно, лежит в основе многих широко распространенных российских географических представлений о самих себе. Амбивалентная и нестабильная концепция российской идентичности, бросающаяся в глаза в языках самоописания в сферах политики, религии и морали и включающая в себя множество противоречащих друг другу характеристик (страна богатая и бедная, великая и ничтожная, индивидуалистическая и общинная, аристократическая и простонародная, самая вольная и самая рабская), возможно, имеет одним из своих истоков пространственную неукорененность и неустойчивость. Концепции России как Евразии, Скандовизантии, Славянотатарии как будто также подчеркивают амбивалентность российской идентичности и ее привнесенный характер. И эта болезненная амбивалентность распространяется далеко за пределы чисто географических описаний и находит свое отражение и в сегодняшних спорах о новой столице страны.

Исследование некоторых ключевых стереотипов российского понимания пространства, ментальной освоенности этого пространства, не менее фундаментально и важно для понимания спора о новой столице, чем изучение российской географии и объективных свойств российской территории. В число таких стереотипов можно включить ложное освоение этого пространства, а также во многом проблематичные формы соединения пространства и власти.

После развала СССР многие из пространственных стереотипов россиян были подвергнуты тщательному критическому исследованию в специфически российском изводе *пространственного поворота в общественных науках (spatial turn)*, который открыл новые ментальные измерения советского и постсоветского пространства наряду с прочими другими мнимостями русской политической геометрии. Постсоветские социальные науки во многом вернули географическое измерение в осмысление социальной реальности, заговорив о человеке как таком уже во всей совокупности его пространственных, а не только чисто экономических отношений. Они подвергли жесткой критике тенденции платонического изъятия реальности из ее пространственно-географических покровов, которые преобладали в советской версии марксизма (настоящий марксизм, напротив, всегда был очень чуток к пространственным категориям, как это особенно ярко показал в серии своих работ британский географ Дэвид Харви).

Тем не менее постсоветский пространственный поворот и постсоветские идеологии в целом не только возродили интерес к забытому пространственному измерению реальности, но и во многом мистифицировали пространство и пространственность, в том числе и в споре о новых столицах. Они воспроизвели, воссоздали или вылепили заново множество новых мифов о российском пространстве. Многие из них расцвели подражательным пустоцветом геополитических теорий.

Метафизические спекуляции по поводу уникальности и экстраординарного устройства российского пространства, его особой мистики и необходимости его имперского удержания и расширения во многих случаях заняли место осмысления, освоения и реорганизации территориальных функций, анализа универсальных и специфических законов, которые управляют пространством и пространственными отношениями.

Неоевразийские спекуляции по поводу пространства, геополитическая мистика и поэтическая замороженность необъятностью российских просторов до сих пор занимают важнейшее место в структуре постсоветских дискуссий, а авторы подобных идеологических построений зачастую участвуют в этих спорах на правах ученых и знатоков пространства. Частью этих пространственных мистификаций реальных географических и политических проблем стала подчас маниакальная акцентация пространственных категорий и добавление приставки *гео-* практически ко всем существующим социальным понятиям и наукам вне зависимости от их уместности. В исполнении этих идеологов экономика, история и политика давно превратились в *геоэкономику*, *геоисторию* и *геополитику*. Бесконечное околостранственное словотворчество, которым изобилуют и околостолличные дебаты, вероятно, является своего рода гиперкомпенсацией пережитой советской *аспациальности*², которая, возможно, имеет и более глубокие корни.

Речь здесь идет не только о том пространственном мышлении, которое заявляет о себе в политических манифестах и прочих рефлексиях, но также и о тех ментальных принципах и привычках, которые воплотились в самой актуальной конфигурации и организации русского пространства, и в пространственном бессознательном, часто связанном с неприятием дуальности, бинарности и двоичности. В этих дискуссиях самому Большому пространству приписывается субъектность и оно позиционируется как активный агент истории, противопоставленный местническим и местным интересам. В дебатах о столице именно элементы такого пространственного русского бессознательного выявляются в наиболее рельефном и рафинированном виде. Но большая тема пространственного бессознательного, конечно, выходит далеко за рамки непосредственного интереса данной работы.

² Термин *аспациальность* был предложен российским географом Леонидом Смирнягиным для обозначения «ослабленной реакции на пространство» в России, обусловившей слабость в том числе региональных идентичностей (Смирнягин, 1995, 2002).

Некоторые предпосылки и гипотезы

В данной книге автор не предлагает какой-то принципиально новой программы переустройства российского пространства. Скорее, он приглашает к размышлению о различных концепциях столичности, мировом опыте переносов столиц, различных теоретических и практических парадигмах их анализа. Но в то же время, как уже было сказано, это и приглашение к размышлению о различных ментальных образах российского пространства и его множественных центрах, российском государственном мышлении, его стереотипах и фобиях, его представлениях о центральности и природе власти.

Прежде чем мы перейдем к анализу непосредственных и конкретных идей, концепций и историй, можно сделать несколько предварительных замечаний, которые отчасти предвосхищают наши выводы, а также высказать несколько гипотез и предположений, которые в известном смысле определили логику изложения материала. Они отчасти поясняют план и задачи этой книги.

Концепция нового времени. Популярность переносов столицы в XX веке, возможно, отчасти отражает особый интеллектуально-политический настрой или духовный климат эпохи модерна. Модерн – это время, когда самого себя надо не просто принять исторически сложившимся в совокупности своих географических, наследственных и архитектурных отношений, но когда себя, свою идентичность, свой центр, свою культурную принадлежность можно еще и выбирать. А иногда не просто выбирать, но и конструировать.

Старые государства наследовали свои столицы или были вынуждены их перемещать в соответствии с циклами военных побед и поражений. Новые государства, которым долго было отказано в выборе своего пути, часто предпочитают строить, конструировать и выбирать подобно тому, как современный человек выбирает свой облик и свою идентичность. Нации творят самих себя через свои центры. Они не просто находят их уже готовыми, а выбирают и создают их, в том числе и в процессе выбора своих столиц.

Перспектива национального государства. Подход автора к концепции столицы в значительной степени связан с концепцией национального государства. Во многих исследованиях вопрос о переносе столиц рассматривается через призму проблемы экономической эффективности и мыслится как чисто экономическая проблема. С точки зрения авторов этих исследований, мегаполисы имеют свою меру эффективности, и многие экономисты и экономические географы пытаются подсчитать коэффициент полезного действия мегагородов как звеньев в системе мирового капитализма. Однако задача, на взгляд автора, должна ставиться шире и учитывать особые свойства столиц, отличающие их от обычных городов. Необходим учет многообразного опыта, связанного с многонациональными и многоэтническими государствами и с вновь освободившимися странами, которые стараются принимать во внимание в расположении своей столицы те факторы, которые выходят далеко за рамки экономических проблем – вопросы идентичности, демократизации, социальной справедливости и достижения этнической гармонии.

Столицы и политические режимы. Один из тезисов книги состоит в том, что идея столичности каждый раз преломляется по-своему в различных политических режимах. Сама урбанистическая иерархия городов в любой стране, с одной стороны, отражает ее политическую сущность и идентичность и соответствует политическим принципам ее устройства, а с другой – закрепляет эти принципы. Фундаментальные принципы либеральных демократий – такие как разделение властей, система сдержек и противовесов, принципы федерализма, механизмы контроля гражданским обществом деятельности корпораций и государства – находятся в соответствии со структурой городов, что наиболее четко видно на примере крупных многонациональных политических образований. В самой иерархии урбанистической сети уже скрыта осо-

бая мораль – принципы взаимодействия между регионами, принципы достойного управления (good governance) и социальной справедливости.

В деспотических и авторитарных политических режимах нестоличные города часто изъяты из системы международных экономических связей, а столицы монополизируют ресурсы и служат единственным окном в большой мир, что создает проблемы не только для экономики, но и приводит к колоссальным издержкам человеческого капитала и разрушению системы доверия в обществе. В более демократических обществах, которые наследовали европейским традициям, напротив, баланс интересов регионов или земель, отсутствие приматных городов в классическом смысле создают более благоприятную обстановку для развития экономики и социального взаимодействия.

В демократических режимах столицы тоже часто наделены особыми преимуществами, но у них есть и определенные неудобства; напротив, в коррумпированных и сверхцентрализованных государствах столицы в качестве центров не представляют нацию и являются привилегированными центрами, которые используют рынки для своих политических целей.

Многие ученые считают структуру урбанистической сети лишь следствием политического уровня централизации. Поэтому, с их точки зрения, перенос столицы является только борьбой с симптомом заболевания, а не с самой причиной возникновения приматных городов (primate cities), которые одновременно являются столицами. Напротив, другие исследователи считают, что сам характер урбанистической сети и ее иерархичность, будучи результатом определенного исторического процесса, является важной предпосылкой для формирования политических принципов, в том числе принципов федерализма. В таком контексте перенос столицы, будучи важной составляющей изменения пространственной структуры, может стать заметным фактором и предпосылкой для изменения политических принципов. Мне кажется, что эта вторая позиция более корректна и каузальные связи здесь действуют в обоих направлениях. Иллюзии пространственно-географического детерминизма не менее опасны, чем идеи о том, что пространственное расположение абсолютно нейтрально в отношении политической ориентации.

Место переносов столиц в процессах социальных трансформаций. Переносы столиц не являются ни панацеей, ни универсальным инструментом децентрализации или универсальным рычагом достижения социальной справедливости. Во многих странах такие переносы могли быть мотивированы как раз противоположными мотивами – самовозвеличением правителей, изоляцией политической оппозиции и дистанцированием политических элит от повседневных нужд и интересов граждан, легитимацией новой утопической идеологии и тому подобными мотивами. Парадоксальным образом такие решения часто инспирировались не соображениями снижения уровня централизации, а, напротив, мотивами закрепления и усиления уже чрезвычайно централизованной структуры существующих политических режимов. Именно такие авторитарные государства обладают лучшими способами мобилизации ресурсов и более эффективным характером лидерства для проведения таких крупных и затратных социальных проектов.

План изложения

План изложения материала в книге следующий.

В первой главе обсуждается вопрос о том, что такое столица, каково нормативное содержание этого понятия. Здесь мы дадим краткий исторический экскурс в историю столиц и генеалогию современной идеи национальной столицы. Этот исторический экскурс поможет нам сформулировать некоторые закономерности в формировании и эволюции столичных городов, корректируя или дополняя уже существующие определения и типологии. Далее мы также выделим несколько принципов расположения столиц, которые были связаны с географией, экологией, пространственными схемами и другими специфическими параметрами. Здесь также будет проиллюстрирована роль столиц в формировании наций и национальных государств.

Во второй главе даются более подробные описания и анализ переноса столиц в различных странах, цивилизациях и транскультурных регионах. Следующие вопросы занимают наиболее важное место в этой главе. В какой мере столичные города были эффективны для решения задач обсуждаемых государств? Как видоизменялись и изменялись ли в результате отношения между центром и периферией? В какой степени различные типы столиц подходили для решения насущных экономических и социальных задач и насколько логика столичности была для них важной и релевантной? Есть ли какой-то универсальный смысл и вектор во всех этих переносах, или их цели и задачи в каждом конкретном случае уникальны? Особое внимание в этом анализе уделяется причинам, организации и мотивациям переносов столиц в различных странах. Особенно подробно будут обсуждены и проанализированы переносы столиц в Турции, Бразилии, Малайзии, Германии, Нигерии и Казахстане. Именно опыт этих стран имел наибольший резонанс и оказал наибольшее влияние на соответствующие решения в других государствах. Здесь будут обсуждены и некоторые результаты этих проектов, а также их бюджеты и их администрирование. Кроме того, мы представим различные критические оценки уже завершившихся проектов, высказывавшиеся урбанологами, социологами и экономистами, а также некоторые попытки более всестороннего их анализа. Результаты нашего описания будут обобщены, во-первых, в девяти стратегиях, которые использовали различные страны, во-вторых, в общих уроках, которые можно извлечь из этого исторического опыта, в-третьих, в некоторых сравнительных наблюдениях и поисках общего знаменателя групп этих проектов. Помимо этого, мы рассмотрим несколько предполагаемых факторов успеха таких перемещений и показатели эффективности, которым они могут удовлетворять. Если понимание концепции столичности и ее исторических форм позволяет понять мотивы и организацию их переносов, то анализ переносов столиц, в свою очередь, проясняет и уточняет фактическую роль и задачи столичной функции.

В третьей главе разбираются различные теоретические и методологические подходы к анализу столичных функций и моделей принятия решений, в том числе теории урбанистических сетей, концепции пространственной экономики, теории точек роста и мир-системный анализ. Здесь также рассматривается вопрос о том, в каких категориях лучше всего оценивать этот опыт и как планировать подобные мероприятия с учетом существующих научных и управленческих моделей. В качестве наиболее важных критериев оценки обсуждаются контекст национального строительства, федеративность, экономическая рациональность и влияние размера и расположения столицы на экономическую деятельность, символическая адекватность столиц, а также возможные причины актуализации всех этих вопросов. В этой связи обсуждается символизм и архитектурный язык нескольких вновь спланированных городов и его взаимосвязь с национальным строительством. Особое место в этой главе займет анализ взаимоотношений между такими характеристиками городов, как глобальность, приматность и столичность, а также преимуществ и недостатков их соединения в одном городе.

Наконец, в заключительной части мы подведем итоги нашего анализа. Они будут касаться различных обоснований и причин, которые побуждают правительства различных стран осуществлять эти проекты (экономических, политических, военных и экологических), наиболее успешных стратегий, которыми они пользуются, общих современных тенденций в этом вопросе, зависимости между характером политических режимов и успешностью переносов столиц. Кроме того мы попытаемся наметить некоторые параметры применимости различных аспектов проанализированного международного опыта к анализу ситуации в тех современных странах, где эти вопросы еще только стоят на повестке дня.

Глава 1

История и типология столиц

Как мы уже упомянули, несмотря на все более заметный рост количества столичных городов, проблематика столицы именно в качестве темы теоретической рефлексии до недавнего времени не привлекала достаточного внимания ученых, что кажется несколько парадоксальным. Хотя существует огромное множество монографий и статей по истории конкретных столиц, которые затрагивают различные аспекты столичной жизни – от архитектуры и социологии до политики муниципального управления, – столичная тема до недавнего времени не входила в число особенно популярных урбанистических тем. В специальной литературе преобладали идеографические исследования столичности и столичных городов в рамках национальных историй или работы, посвященные одному городу, своего рода биографии крупных столичных центров. Немецкий историк Андреас Даум подтверждает это наблюдение, замечая, что изучение столиц на сегодняшний день «находится в инкубационной стадии развития» (Daum, 2008: 4). Этой же причине приписывает теоретическую непроясненность концепции столичности авторитетный американский географ Скотт Кэмпбелл. Он, в частности, замечает, что столица, будучи «легко определимым явлением, остается недостаточно хорошо понятым в качестве особого класса городов» (Campbell, 2000).

Такие оценки состояния дел в дисциплине ни в коем случае не следует понимать в том смысле, что существует какая-то заметная нехватка или дефицит фактического и исторического материала о столицах в обширной литературе на тему *конкретных* столиц. В некоторых случаях высказывались даже упреки противоположного свойства – о том, что столицы часто заслоняют образ всей страны в результате предрассудков журналистов, историков и туристов.

И эти упреки часто вполне справедливы, так как провинции и прочие нестоличные территории часто не получают должного внимания в журналистских репортажах, исторических сочинениях и туристических путеводителях. Тем не менее столицы как класс городов также часто оказываются обделенными вниманием ученых, но в несколько ином смысле. Тема столичности не особенно хорошо отрефлектирована и не интегрирована в единую дисциплину. Нужный материал разбросан в работах из разных предметных областей со своими языками, внутренними логиками, категориями, стандартами и моделями объяснения. До недавнего времени существовало всего несколько более или менее общих научно-теоретических статей на тему, где предпринимались попытки осмысления роли и смысла столичности в современном государстве (Eldredge, 1975; Hall, 1993; Campbell, 2003; Gottman, 1985; Tyrwhitt & Gottmann, 1983). Таким образом, в географической и дисциплинарной иерархии знаний о городах, отличной от самой иерархии городов, столица до недавнего времени занимала не самое почетное место.

Призывы к созданию дисциплины – особой науки о столицах, – естественно, не предполагают простого механического и эклектического соединения данных из разных дисциплин. Они имеют в виду попытку учреждения особой синтетической области, которая в сравнительном ключе позволила бы обозначить более универсальные стандарты осмысления и модели объяснения закономерностей возникновения, функционирования и роли столиц и их место в современных глобальных процессах. Взгляд на столицы в сравнительной перспективе позволил бы более критически рассматривать многие урбанистические и социальные явления, преодолеть множественность дисциплинарных подходов и разрешать противоречия в их различных схемах объяснения. Такой подход позволил бы, например, дать более объективную оценку множественности объяснений мотивов какого-то конкретного переноса столицы, которые уверенно высказываются разными историками или географами. Например, перенос столицы в Констан-

тинополь объясняется различными историками тремя разными способами: необходимостью создания новой христианской империи и дистанцированием от римского язычества (Тойнби), экономическими преимуществами нового места или чисто военными мотивами. Применение сравнительного метода анализа было бы наиболее ценным и незаменимым способом понимания закономерностей функционирования и создания столичных городов.

Оценки состояния дел в изучении столичной проблемы, высказанные Даумом и Кэмпбеллом, также, вероятно, имеют в виду явный крен в урбанистической литературе последних двух десятилетий в пользу анализа и описания глобальных городов и урбанистических сетей. Можно сказать, что, помимо урбанистических иерархий, существуют также иерархии знаний о городах и процессах эволюции городов, и в этих иерархиях знаний столицы занимают далеко не первое место. Многие урбанисты и географы адаптировали экономические методы анализа и сосредоточились на обсуждении таких важных феноменов и концепций, как мировой или глобальный город, агломерации и кластеры развития. Однако эти темы и теоретические парадигмы их осмысления не всегда хорошо подходили и подходят для анализа городов столичных.

Кроме того, тезис о закате национальных государств, который часто служил не всегда специально оговоренной предпосылкой многих из этих исследований, неявно предполагал, что главными участниками исторического процесса сегодня становятся глобальные города и международные корпорации, а столицы теряют свою прежнюю роль и значимость. В этой теоретической парадигме столицы стали рассматриваться по преимуществу как места локализации экономических интересов и их эффективность стала оцениваться, прежде всего, на основании экономических параметров. Рынкам также стала приписываться роль чуть ли не единственных агентов формирования существующих городских сетей и иерархий, в то время как роль автономных политических факторов и политических сетей обмена систематически недооценивалась (Ringrose, 1998).

В то время как экономические модели иногда проливают интересный и неожиданный свет на происходящее, они вместе с тем могут искажать суть многих социальных проблем. Исключительно экономический подход к проблеме не учитывает, например, внутренних критериев эффективности столиц и тех задач и функций, которые они исполняют. В последние годы стало появляться больше работ, посвященных столицам и политическим сетям, которые их формируют (Therborn & Bekker, 2011; Therborn & Ho, 2009; Therborn, 2002). При этом такие исследования стали проводиться не только в отношении современных городов, но и для оценки формирования средневековых городов и различных других исторических форм урбанистических сетей (Ringrose, 1999; Daum, 2008). Заслуживает внимания также относительно недавний *сравнительный поворот* (*comparative turn in urban studies*) в изучении городов в урбанистической литературе.

Предварительное определение

Самое общее определение столицы подразумевает место пребывания правительства страны, хотя в некоторых современных государствах столичность не вполне соответствует этой дефиниции. Так, в ряде стран (Швейцария, Южная Африка, Боливия) различные столичные функции могут быть разнесены по разным городам, а в Нидерландах правительство располагается в Гааге, то есть за пределами официальной столицы государства³. Но такие ситуации являются, конечно, скорее исключением.

Современная концепция столицы является достаточно новой политической категорией. В Европе она начала складываться в том виде, в каком мы ее знаем, только в XVII веке. До этого периода во многих обществах столиц или вообще не было, или их роль была весьма ограниченной и принципиально отличалась от той роли, которую мы приписываем им сегодня. Подъем столиц связан с возникновением наций в результате процессов, которые будут описаны в следующих главах.

Главная задача столиц состоит в представлении нации самим себе и окружающему миру. Столицы представляют собой идеализированные образы нации и национальной истории, своего рода образы нации в миниатюре. Именно в силу такой репрезентативной функции столицы в некоторых контекстах могут восприниматься как тождественные всей нации целиком.

Именно поэтому названия столиц в некоторых государствах совпадают с самими названиями этих стран. Это относится, например, к таким странам, как Алжир, Тунис, Мексика, Гватемала, Сальвадор, Бразилия или Белиз, в случае которых название страны и столицы совпадают или совпадали в прошлом. Гитлер планировал назвать новую столицу своей империи, которая должна была также стать столицей мира и заменить Берлин, Германией (*Welthauptstadt Germania*). Эта тенденция относится не только к современности, но и к периоду древности. Именем своей столицы назывались такие государства, как Аккад, Вавилон или Рим. Однако если в древности народы назывались именами своих столиц, то в новое время тенденция состояла, напротив, в том, чтобы столицы назывались именами наций и народов.

По той же причине *символической субституции* именами столиц называют целые периоды национальной истории некоторых стран (например, петербургский и московский периоды в русской истории). В историографии нередко предпринимались попытки представить всю историю народа или страны через калейдоскоп ее различных столиц: опыты такого изложения предпринимались, в частности, в отношении истории Китая, Персии или Арабского халифата (Hitti, 1973; Geil, 2005). Константин Аксаков в свое время описал всю историю России в оптике ее различных столиц: Русь Киевскую, Владимирскую, Московскую и Петербургскую. В некоторых случаях речь шла о представлении *только отдельных отрезков истории*, как, например, в истории средневековой Болгарии (Полывянный, 1994). И в таком представлении через столицы, безусловно, был свой интерес и свои резоны, хотя далеко не все национальные истории поддаются такому описанию.

Идея о том, что столица представляет всю нацию целиком и является ее символическим двойником, находит отражение также в военных стратегиях, в стандартных и принятых языковых практиках (мы говорим «Вашингтон или Лондон принял решение», хотя реальным субъектом этой фразы обычно служит вся нация целиком), в некоторых формальных или неформальных конвенциях международного права и международных отношений.

³ В случае Голландии такая необычная ситуация объясняется замороженным компромиссом эпохи противостояния Оранской династии, резиденция которой традиционно располагалась в Гааге как королевской столице государства, и амстердамского патрициата, сконцентрированного в самом богатом и экономически развитом городе страны.

В ситуации гражданской войны в решениях международных организаций часто реализуется презумпция о том, что силы, которые осуществляют стабильный контроль над столицей, являются наиболее легитимной репрезентацией нации и носителями государственного суверенитета, хотя *de iure* международное право не содержит пунктов, которые бы фиксировали или закрепляли такое признание. На этот факт обратила внимание Марика Ландау-Уэллс в своей недавней статье, где она обращается к примеру решений по поводу легитимности власти в четырех африканских странах, принятых различными международными организациями (Landau-Wells, 2008). В глазах международного сообщества, таким образом, *de facto* столица часто служит привилегированным локусом *суверенной власти* или государственного суверенитета, особенно в ситуациях гражданской войны. Речь здесь, конечно, идет только о тенденции.

На этот же аспект – контроль над столицей часто приравнивается к победе в международной войне – указывается в некоторых классических работах по вопросам военной стратегии. Например, известный в прошлом немецкий военный теоретик Фридрих фон Бернгарди (1849–1930) в своем капитальном труде «Современная война» замечает по этому поводу:

Военная история вновь и вновь указывает нам своими многочисленными примерами на важность столиц в ведении войны. Неспособность Ганнибала завоевать Рим лишила его лавров победителя; Наполеон почти всегда выбирал столицы в качестве главных мишеней своих стратегических атак, повергая своего противника их захватом (Бернгарди, 1912: 196)

Хотя в работах Карла фон Клаузевица главным свидетельством победы в международной войне является разгром армии врага, он признает захват столицы противника вторым по значимости критерием победы в боевых действиях (Landau-Wells, 2008: 15)⁴.

Военные историки также обращают внимание на большую значимость столиц в чрезвычайно централизованных и до-современных государствах. В таких государствах овладение столицей часто означало победу в войне. Примерами таких стран могут служить Франция и императорский Китай.

Как мы уже отметили, во многих столицах также осуществляется *символическая репрезентация нации*. Более подробно мы обсудим эту тему в одной из последующих глав книги. Здесь же обратим внимание лишь на то, что во многих столицах государств городская топонимика отражает всю географию страны целиком. Большое пространство государств моделируется в пространстве малом (в данном случае большое пространство государства – в пространстве столиц), как это было характерно для многих архаичных религиозных центров. Так, в Москве, например, есть районы, которые до сих пор воспроизводят в названиях улиц и проспектов физическую географию целых республик или регионов СССР (например, Крым или Украину на юге Москвы). Подобная же географическая символизация нации и воспроизведение большого пространства в топонимике столицы обнаруживается во многих странах мира как европейских, так и неевропейских (другие примеры подобного рода можно найти, в частности, в книге Radovic, 2008).

В большинстве государств существует только одна столица, и такая ситуация кажется нам естественной. Но в некоторых странах существует две или несколько столиц, функции которых различаются. Существовали и гораздо более необычные и оригинальные формы организации этого социального института.

В некоторых исторических обществах, например в средневековых тунгусо-маньчжурских государствах – таких как государства бохайцев, киданей (государство Ляо) и чжур-чжэней

⁴ Клаузевиц, в частности, писал: «Не всегда существует необходимость завоевания всей территории противника. В случае захвата Парижа в 1792 году война против Революции почти наверняка была бы выиграна. В 1814 году, напротив, даже захват Парижа не решил бы дела, если бы у Бонапарта оставалась достаточно большая армия. Но поскольку его армия была уничтожена, захват Парижа разрешил проблему и в 1814 году, и вновь в 1815» (Landau-Wells, 2008: 15).

(государство Цзинь), населявших Дальний Восток и последовательно сменявших друг друга, – традиционно было по пять столиц (Воробьев, 1968; Е Лун-ли, 1979, гл. 22). Некоторые историки связывают такое устройство с китайской концепцией пяти первоэлементов (Задвернюк, 2002). В самом Китае, впрочем, концепция пяти столиц никогда не существовала⁵. Возможно, бохайцы действительно заимствовали известную китайскую концепцию пяти городов (*у-ду*) и переформулировали ее в концепцию пяти столиц (*у-цзин*), которую у них, в свою очередь, впоследствии заимствовали другие народы.

Каждая из столиц в тунгусо-маньчжурских государствах специализировалась на определенном круге проблем. Это были своего рода средневековые аналоги современных министерств, вынесенных в пять разных мест. Например, одна из столиц специализировалась в области военного дела, другая – в области сельского хозяйства, третья – в области торговли или транспорта⁶. Тем не менее даже в этих государствах только одна из столиц считалась верховной и, как правило, одновременно служила резиденцией князя или верховного правителя.

⁵ 1. В эпоху Западная Хань в Китае существовала концепция «пяти городов» (*у-ду*), которые представляли пять крупнейших городов страны помимо самой столицы и, вероятно, соответствовали пяти первоэлементам в китайской натурфилософии (Лоян, Ханьдан, Линьц-зы, Вань и Чэнду). В эпоху Тан существовала концепция трех столиц (Hl\$), в число которых, помимо Чанъани (Западная столица), входили Лоян (Восточная столица) и Тайюань (Северная столица). Концепция трех столиц получила хождение также в период раздробленности Китая в эпоху Троецарствия. Классическая «Ода трем столицам» китайского поэта Цзо Сы (250–305) как раз повествует о трех столицах этого периода (столицах Шу, У и Вэй) как о воплощениях определенных моральных принципов. Она, в свою очередь, опирается на увещательную и нравоучительную традицию видения столиц государства (в данном случае крупнейших городов страны) как моральных принципов в стихах знаменитого ученого и поэта эпохи Хань Чжан Хэна (77–139), а также на «Оду о двух столицах» известного ханьского историка Бань Гу (32–92). Чжан Хэн повествует о декадентско-расточительной, традиционалистской и спокойной столицах Хань в трех одах – одах Западной, Восточной и Южной – столицам (имеются в виду Чанъань, Лоян и Наньян). Американский синолог Марк Льюис отмечает, что развитие жанра прославления нескольких столиц представляет собой отход от более древней традиции прославления одной совершенной императорской столицы (Lewis, 2006: 235–238, 181, 192). В более поздний период эта древняя традиция восстанавливается, например в «Оде о славной столице», посвященной Цзянькану (Нанкину), цзиньского поэта Юй Чана (ум. в 339). Для позднейших периодов китайской истории, особенно для минской эпохи, характерна определенная двустолочность (Пекин и Нанкин). См. таблицу 6.

⁶ 2. В «Истории государства киданей» (*Циданъго чжи*) пять столиц описываются следующим образом: «Столица Яньцзин – три финансовых ведомства; Западная столица – управление начальника перевозок; Средняя столица – счетно-финансовое ведомство; Верхняя столица – управление по делам соли и железа; Восточная столица – управление по делам денег и железа при финансовом ведомстве» (Е Лун-ли, 1979, гл. 22). Государство Бохай (698–926) включало в себя территории современного Приморского края, Приамурье, Северную Корею, а также большую часть Северо-Восточного Китая (Маньчжурию).

Функции столицы

Исследователи выделяют несколько фундаментальных функций столицы. Немецкий историк Андреас Даум к важнейшим функциям столицы относит функции *администрирования, интеграции, символизации*, а также охраны памятников, истории и ценностей национальной культуры. При этом интеграция, о которой он ведет речь, имеет два аспекта – социальный и этнический (Daum, 2008: 5–8).

Интегративная функция столицы состоит в ее способности фиксировать и воплощать в себе аспекты и элементы единства нации. Такое единство часто происходит за счет компромисса. Среди наиболее распространенных и важных из этих компромиссов можно выделить компромиссы между двумя или более этносами, религиозными или этнолингвистическими группами, составляющими нацию; компромиссы между местными и общенациональными интересами, между самыми крупными городами страны, между глобальностью и национальностью, а также между международным и партикулярным. В идеале столица становится своего рода *временной точкой равновесия* между различными силами и интересами, которые присутствуют в стране. Если определенные группы не имеют своего политического, социального или символического представительства, это равновесие становится хрупким. Пространство оказывается, таким образом, формой и локусом воплощения нормативных принципов, правовых и моральных. В столице отражается не только настоящее нации, ее наличное бытие, но и ее идеальный образ – то, как она себя видит и чем она хотела бы стать. Отсюда вытекает многосторонний характер интегративной функции, которую мы обнаруживаем в столице.

С символической функцией тесно связана также *перформативная функция* столиц, которая состоит в том, что столичный город является площадкой для проведения национальных праздников, массовых шествий, парадов и демонстраций, которые сплачивают нацию и, по сути, транслируют заявления об идентичности в действиях. Символическая функция в наибольшей степени отражается в архитектуре и в символах власти. В каждой национальной столице, как в книге или фильме, есть свой сюжет, воспроизводящий отредактированную версию национальной истории. В этом сюжете есть свои герои, свои злодеи, в нем закодированы ее национальные праздники и фестивали, образы прошлого и образы будущего. При этом воображенное сообщество нации включает в себя не только ныне живущих, но и эпических и мифологических героев, основателей и защитников нации.

Подобно Ленину, который пытался построить социализм в отдельно взятой стране, нация на первых порах строит себя своим *воображением*, пытаясь сначала представить себя в *одном отдельно взятом городе*. Столица представляет собой как раз такой образ нации в одном городе. Предполагается, что в идеале эта модель нации должна распространиться на всю страну. В обустройстве столичного города, в его архитектурном ансамбле и формах нация конструирует себя так же, как в национальной литературе и музыке, но этот поиск носит более сознательный характер и происходит с гораздо более серьезным участием государства.

Однако помимо перечисленных универсальных функций можно говорить о неоднородности тех функций и задач, которые выполняют столицы в различных странах. В основе многих их концепций лежат антропоморфические или анатомические метафоры. В некоторых странах столицы выполняют функции мозга или головы (об этом говорит латинская этимология слова: от *caput* – голова) и своего рода направляющей силы; в других более акцентированными оказываются культурные функции сердца или души государства или исключительно духовные и религиозные функции. В некоторых из них роль столиц является, скорее, наблюдательной. В соответствии с этим разные авторы описывали столицы в качестве головы, сердца, лица или даже глаз государства (так один из арабских путешественников назвал в свое время Багдад «оком Ирака»). Некоторые столицы обращены вовне и являются главным образом лицом

нации. Другие столицы обращены на внутренние процессы и являются, скорее, ее сердцем. Продолжая эту метафору, можно сказать, что города образуют скелет нации, а главные торговые города – ее становой хребет.

Типологизация столиц, которой мы займемся ниже, объяснит некоторые закономерности в составе и распределении столичных функций в разных странах.

Типология столиц

Ученые предлагают различные классификации столичных городов. Примером такой типологии может служить популярная среди урбанистов номенклатура столиц, предложенная авторитетным американским географом Питером Холлом (Hall, 1993). Питер Холл различает семь видов столиц.

1. *Многофункциональные столицы*, которые сочетают в себе большинство ролей национального уровня (Токио, Москва, Лондон).
2. *Глобальные столицы*, которые сочетают в себе национальные и наднациональные функции (Париж, Женева, Вашингтон).
3. *Политические столицы*, функции которых сводятся к национальному управлению (Лиссабон, Катманду).
4. *Суперстолицы*, которые служат штаб-квартирами крупных международных союзов и организаций. Классическим примером такой столицы могут служить Брюссель, Аддис-Абеба и Джакарта (столицы Европейского Союза, Африканского Союза и аСЕАН).
5. *Бывшие столицы*, то есть те города, которые утратили формальную роль столицы, но сохраняют важную историческую или религиозную функцию в стране.
6. *Бывшие имперские столицы*, которые раньше служили столицами целых империй.
7. *Провинциальные столицы*, имеющие только региональную значимость (Hall, 1993: 176).

Эта классификация столиц, на которую часто ссылаются географы, кажется логически проблематичной, поскольку разделение понятий здесь идет по разным основаниям.

Попытаемся скорректировать и привести деления к общим основаниям, одновременно несколько расширяя эту классификацию. Предложенные ниже таксономии учитывают масштабы столиц и уровень их амбиций, их исторические и культурные формы, характер их расположения, их функциональное содержание и специфические задачи, а также хронологические циклы их развития.

По географическому месторасположению и задачам, которые они решают, можно выделить центральные, тыловые и вперед смотрящие, или авангардные, столицы (*forward-thrust capitals*). *Вперед смотрящие* столицы характерны для расширяющихся империй или для государств, осваивающих новые территории; центральные столицы – для государств, которые решают свои внутренние задачи примирения этнических, конфессиональных или групповых интересов, интеграции страны и нации. *Тыловые столицы* характерны для государств, испытывающих внешние угрозы и нестабильность на границах. Смена столицы может быть продиктована изменением стратегической позиции этих государств, их военными победами или поражениями.

По функциям выделяются административные, военные, культурные, деловые, религиозные, индустриальные, морские и транспортные столицы (хабы), а также столицы многофункциональные. Наиболее важными и наиболее распространенными по функциональному типу являются политические, культурные, религиозные и экономические столицы. Глобальные столицы часто сочетают в себе экономические и другие функции.

По своим историческим формам выделяются сакральные, отчужденные, религиозные, национальные, имперские и бывшие столицы. Жан Готтман обсуждал бывшие столицы и отношения диалога, которые часто устанавливаются между старыми и новыми столицами. Подобный диалог столиц часто оказывает серьезное влияние на политическую и культурную динамику этих государств (Gottman, 1985). В некоторых случаях происходит конверсия имперских

столиц в национальные столицы, что сопровождается определенными архитектурными и морфологическими трансформациями. Все эти типы столиц мы обсудим более подробно в следующих параграфах.

По масштабу можно различать периферийные, региональные, национальные и транснациональные столицы, а также сверхстолицы (например, столица Европейского Союза).

По истории возникновения и по характеру застройки выделяются естественные столицы, которые постепенно эволюционировали в столичные города в государствах Старого Света. Таковы Париж, Лондон, Токио, Рим или Пекин. Они, как правило, превращались из важных коммерческих, военных или религиозных центров в столицы империй, а потом национальных государств.

Противоположными им по типу являются столицы, специально отстроенные по особому плану (*designed capitals*). К этой категории столичных городов относятся Вашингтон в США, Нью-Дели в Индии, Канберра в Австралии, Анкара в Турции, Бразилиа в Бразилии. Хельсинки тоже вписывается в ряд спланированных городов. До того как сюда была перенесена из Турку столица Финляндии в 1812 году – старая столица находилась слишком близко к бывшей метрополии, то есть к Швеции, – этот город был военной крепостью и небольшим торговым поселением. Пожар 1809 года практически превратил перенос столицы в строительство нового города с чистого листа (Kolbe, 2006). Спланированные столицы – не обязательно новые города. Историк Византии Сирил Манго относит Константинополь к числу таких же спланированных столиц (Mango, 2005).

Спроектированные города стали не только новыми столицами, но и сценами для радикальных градостроительных экспериментов и для демонстрации новых для своего времени моделей планирования городов и веяний в архитектуре. Во многих из них утопическая энергия была направлена на преобразование окружающего социума. Специально спланированные города предоставляют гораздо более свободы для экспериментов и становятся лабораторией для конструирования нации через архитектуру и символы единства. В них часто в большей степени отражается сама суть столичности. Публичные пространства естественных городов старого мира, которые постепенно формировались в соответствии со своими изменяющимися задачами и функциями и в которых заметно сразу множество исторических слоев (*layered cities*), в меньшей мере подходили для этой роли. Примерами таких исторических, многослойных и естественных городов могут служить Рим или Москва.

В противоположность этому в спланированных столицах гораздо более акцентированно выражается и закрепляется определенная идеология национального строительства.

С момента своей постройки эти идеологические мотивы могли меняться и внутри них могли смещаться акценты. Примерами таких изменений могут служить переход Дели к национальной независимости или смещение акцентов в архитектуре и градостроительном плане Хельсинки с имперского на демократическое пространство после достижения независимости.

В какой-то степени к *спланированным городам* приближаются города с масштабной реконструкцией старых столиц. Токио и Берлин могут считаться весьма близкими к спланированным столицам, так как после масштабных разрушений в ходе войны большая часть этих городов была спроектирована и застроена заново. В несколько меньшей степени это относится к Мадриду, основательно разрушенному в ходе бомбардировок гражданской войны в Испании.

По степени пространственного единства можно выделить концентрированные и распределенные столицы. Последние особенно характерны для относительно небольших государств, построенных на принципах федеративности (Швейцария, Голландия, ЮАР, Боливия, Новая Зеландия). Некоторые города при этом могут быть столицами не будучи вместе с тем местами размещения соответствующих правительств (Амстердам, Ла-Пас, Абиджан). Если в вышеперечисленных странах столичные функции разделены между разными городами, то в некоторых

странах столица разделена между разными народами. Такой *разделенной столицей* является, например, Иерусалим (Emet, 1996).

По степени стабильности и долголетию можно выделить стационарные или постоянные столицы в противоположность *временным и блуждающим столицам*.

Временные столицы часто возникают в государствах, находящихся в состоянии войны. В случае угрозы старой столице столичные функции обычно выносились в глубокий тыл, а по окончании военных действий возвращались назад. Так, во время Второй мировой войны столица России перемещается на восток страны в Куйбышев. Столица Испании выносится в Валенсию. Во время наполеоновских войн фактическая столица Португалии перемещается за океан, в Рио-де-Жанейро, а столица Пруссии – в Мемель (Клайпеду). С 1922 по 1940 год временной столицей Литвы стал Каунас, так как Вильнюс оказался на территории Польши.

Блуждающие столицы были типичным явлением для нескольких средневековых государств Африки (Эфиопия, Руанда и Уганда) и для некоторых кочевых обществ. В XV–XVII веках в Эфиопии в блуждающих столицах воплощалась особая стратегия партизанской войны против мусульманских завоевателей. Перемещение столицы при этом могло происходить почти каждый год или даже чаще, но при этом и в постоянно мигрирующей столице сохранялись важные символические и интеллектуальные функции (Norwath, 1969: 215).

Статичность или мобильность столиц была важной характеристикой различных государств и их стратегий господства и власти. В Риме была только одна столица, и падение города символически означало падение всей Римской империи, хотя фактически столицу просто перенесли в Константинополь. К числу чрезвычайно долгих столиц относятся тысячелетние столицы, такие как Хэйан в Японии или Константинополь. Напротив, в Корее за период с возникновения Трех Царств в первом веке до н. э. до возвышения династии Ли в 1392 году столица переносилась 22 раза (Yoon, Hong-Key. 2006: 18, 40, 231, 250; UNESCO, 2012). В истории Армении существовало 12 столиц, не включая столиц Киликии и отдельных армянских княжеств (Economist, 2006; Эджмиацинский, 2012).

По уровню контроля можно выделить *жесткие и мягкие типы столиц*. О таком критерии различения говорил итальянский писатель Умберто Эко в своем выступлении, посвященном обсуждению концепции и модели новой общеевропейской столицы Брюсселя, ее облика и основных требований к ней (Therborn, 2008: 70). Жесткие столицы (Эко называет их столицами «по модели Людовика XIV») характерны для более крупных централизованных государств; они доминируют в большинстве сфер жизни и часто являются громоздкими городами, объединяющими в себе сразу множество функций.

Мягкие столицы более характерны для небольших полицентрических государств Европы, таких как Бельгия или Швейцария. Как правило, они отличаются компактностью и ненавязчивостью. Если воспользоваться компьютерной метафорой, можно сказать, что мягкие столицы дают государству только один из скриптов или одну из программ (software), в то время как жесткие столицы более тотально определяют всю совокупность экономических и социальных отношений (hardware). (European Commission, 2001: 10–11). В соответствии с этой метафорой можно делить и государства. Так, в первой половине XIX века в Швейцарии было шесть *чередующихся мягких столиц*, включая Люцерн, Берн, Базель, Фрайбург, Золотурн и Цюрих. После религиозной гражданской войны 1847 г.^а и в результате революции 1848 года конфедерация превратилась в единую нацию, столицей которой стал Берн (Therborn, 2008: 63).

Критерии жесткости и мягкости играли заметную роль в выборе столицы во многих других странах. Например, в дискуссии по поводу новой итальянской столицы, которая состоялась в 1864 году, один из итальянских политиков (Феррари) высказался против модели жесткой столицы: «Сама идея доминирующей столицы была решительно всеми отвергнута... Нам не нужно итальянского Парижа или итальянского Лондона» (Djament, 2005: 376).

Тем не менее не все европейские *жесткие* столицы в виде гигантских городов или городов-гегемонов вполне сопоставимы друг с другом. Так можно говорить о заметных и существенных различиях между местом и статусом столиц в англосаксонских и континентальных европейских государствах.

Примером здесь может служить резкий контраст между Лондоном и Парижем. Хотя для обеих столиц характерен высокий уровень концентрации функций, Париж всегда затмевал Лондон в плане столичного блеска и монументальности. Еще Стюарты завидовали столичному великолепию и роскошеству Парижа и Мадрида⁷. Впрочем, предметом зависти для английских королей становились не только французская и испанская столица (последняя была реконструирована испанскими королями Филиппом I и II), но даже более скромные континентальные столицы, такие как Копенгаген или Прага, уже в начале XVII века. Известны не очень успешные попытки, предпринимавшиеся английскими Стюартами, превратить Лондон в полноценную королевскую столицу по модели европейских княжеских барочных городов, которые, однако, окончились провалом (Robertson, 2001: 38–41).

Причина такого различия состояла в том, что государство и политическая власть во Франции играли гораздо более заметную роль, в силу чего последняя могла более эффективно проводить централизованное планирование, мобилизовывать капитал и строить свою столицу за счет провинции. В результате градостроительные модели Парижа стали предметом подражания не только для Англии, но и для большинства других европейских столиц.

В Англии же столичный город находился под контролем частных интересов. Реконструкция Лондона в монументально-классическом стиле – тем более в тех масштабах, размахе и великолепии, с какими это было сделано в Париже Османа, – была не по карману городским властям британской столицы. При этом наблюдатели обращали внимание на то, что казалось им противоречием между статусом Великобритании как мощнейшей индустриальной и колониальной державы и образом ее столицы, которая не могла конкурировать со своими континентальными коллегами (Wagenaar, 2000: 5). Эта англосаксонская концепция *экономной столицы*, по-видимому, нашла свое отражение впоследствии и в идеях неброского столичного города в других англосаксонских странах – США, Австралии, Канаде, Южной Африке и Новой Зеландии.

Эта же концепция англосаксонской столицы, по-видимому, до сих пор определяет различия между муниципальными системами управления и административными культурами в Англии и Франции. Если управление Лондоном рассредоточено в 33 округах города (boroughs) и главную роль в управлении играет выборный мэр, то управление Парижем чрезвычайно централизовано и до сравнительно недавнего времени было сосредоточено в руках префекта департамента Сены (Röber & Schröter, 2004:10). Должность мэра Парижа возникла только в период Французской революции.

Можно ввести еще одно различие столиц – на основании характера экономик государства, центром которого она является, важность которого будет ясна из дальнейшего изложения. Размер столичного города во многом зависит от того, построена ли экономика государства, столицей которого он является, на основе распределительных или производственных отношений. В государствах, которые основываются на распределительных экономиках, столица обычно значительно превосходит остальные города. В государствах, которые построены на основе производящих экономик, рост столицы значительно больше на ранних стадиях их развития, когда факторы производства (стоимость капитала, земли и труда) еще не поднялись в цене. В таких государствах размер крупнейших городов постепенно падает или стабилизируется по мере того, как производство естественным образом разделяется между другими городами.

⁷ Робертсон замечает, что уже тогда была в ходу поговорка: о птице судят по ее гнезду (Robertson, 2001: 38).

Знаменитый французский географ Жан Готтман предлагает также различать две модели столичных городов, которые он называет *платоновской* и *александрийской* моделями (Gottman, 1990: 67). Следуя другой терминологии, эти два типа столиц можно также назвать континентальными и атлантическими.

Идея платоновской столицы восходит к диалогу Платона «Законы», где греческий философ говорит о том, что главные города страны должны располагаться вдалеке от моря. «Близость моря, хотя и дает каждый день усладу, на самом деле это горчайшее соседство. Море наполняет страну стремлением нажиться с помощью мелкой и крупной торговли, вселяет в души лицемерные и лживые привычки. Море делает граждан недоверчивыми как по отношению к себе, так и друг к другу» (Законы, VII, 705a). Александрийские столицы, в противоположность платоновским, космополитичны, в них сочетается как коммерция, так и политика. Критерием их различения выступает, таким образом, близость к морю, с которым связывается интенсивность экономической жизни и особенно внешней торговли.

Географ Скотт Кэмпбелл предлагает другую интерпретацию александрийской модели: к александрийским относятся столицы такого рода государств, у которых нет единого центра. Существует история о том, что Александр Македонский на вопрос о своем выборе будущей столицы якобы указал пальцами сразу в нескольких направлениях на карте. По словам Кэмпбелла, если платоническая столица определяет государство нового времени (modern state), то александрийская столица определяет ситуацию ацентричности постмодерна, с которой он связывает идею виртуальной слабо локализованной сети, в которой воплощаются столичные функции (Campbell, 2000: 18). Такая идея отчасти вдохновляла проект Путраджайи в Малайзии. Эта интерпретация, будучи интересной и оригинальной, однако является фактически и исторически неточной, так как Александр Великий, как известно, мечтал о новой столице империи в Вавилоне (Boyi, 2004: 97), а связка платонизма со столицами модерна лишает саму изначальную дистинкцию Готтмана всякого реального смысла.

Гораздо более существенным в различении этих двух видов столиц мне представляется позиционирование и ориентация этих двух моделей, направленность континентальных платонических столиц вовнутрь и александрийских столиц – вовне. Примерами платонических столиц в такой интерпретации могут служить Кабул, Мадрид и Москва в противоположность Константинополю или Стокгольму. В другой терминологии их можно назвать внешними и внутренними столицами (outward & inward capitals) (Shevryev, 2003).

В связи с платоновскими и александрийскими столицами в качестве небольшого отступления уместно хотя бы упомянуть в этой связи Аристотеля, который был учеником Платона и учителем Александра Македонского. Хотя в корпусе его сочинений нет специальных обсуждений вопроса о столице, в его «Политике» есть фрагменты, которые с оговорками могут трактоваться как прямые рекомендации по этому поводу или во всяком случае по вопросу о естественном стратегическом центре Греции. Незаметно полемизируя с Платоном, Аристотель, во-первых, реабилитирует морские и космополитические города («Политика», книга VII), а в полемике с Александром Великим, желавшим переместить новую столицу на Восток, как будто выдвигает на роль политического центра Греции остров Крит.

Остров Крит как бы предназначен природой к господству над Грецией, и географическое положение его прекрасно: он соприкасается с морем, вокруг которого все греки имеют свои места поселения; с одной стороны он находится на небольшом расстоянии от Пелопоннеса, с другой – от Азии, именно от Трионийской низменности Родоса. Вот почему Минос и утвердил свою власть над морем, а из островов одни подчинил своей власти, другие населил (Политика, Книга II, глава ю).

Важно отметить в этой связи, что Крит был историческим центром минойской культуры, стоявшей у истоков культуры греческой, и его стратегические преимущества состояли, прежде всего, в его положении важного центра, соединявшего Африку, Азию и Европу, и таким образом выходили за пределы только общегреческих плюсов, на которые Аристотель указывает непосредственно. По сути дела, здесь идет речь о столице всего Средиземного мира с центром на острове – видение, артикулирующее архетипическую европейскую пространственную схему (Карапетьянц, 2000). Можно сказать, что в данном фрагменте Аристотель в некотором роде примиряет концепции Платона и Александра. Подобно Платону он сохраняет столицу на территории исторической Греции, но, вопреки ему и согласно Александру, делает ее космополитической и открытой другим цивилизациям. Такова аристотелевская столица, как будто следующая его принципу золотой середины.

В дополнение и в противовес пространственным столицам, вероятно, существуют еще и *столицы самого времени*. Вокруг таких столиц кружатся века, столетия и целые исторические эпохи. Одной из них был воспетый поэтами и историками Париж, который Вальтер Беньямин метко назвал «столицей XIX века» (1935) (Benjamin, 2002). Но эти столицы времени являются частью особой темы культурных столиц, которая не будет нас специально занимать в данной книге (о культурных столицах см. Charle & Roche, 2002; Van Damme, 2005).

Вышеприведенная типологизация столиц особенно важна не из-за желания автора как-то упорядочить или дополнить существующие классификации, хотя и такая задача была бы весьма полезной. Она важна главным образом потому, что указывает не только на историческое многообразие принципов размещения и возведения столиц, *но и на различные и многообразные концепции, оттенки смысла и понимание функций столичности в различных странах или цивилизациях*.

Эта типология позволит нам лучше ориентироваться в дальнейшей дискуссии и даст нам язык для именования городов и столиц, которые мы будем обсуждать.

Нашему анализу столичности уместно предпослать также небольшой исторический очерк, который как проиллюстрирует перечисленные нами типажи, так и позволит определить векторы исторического развития и эволюции этих городов. В последующих главах мы выделим пять *исторических* типов столиц по своим историческим манифестациям: мобильные, сакральные, королевские, имперские и национальные. Первые три из этих типов можно отнести к категории *прото столиц*. Помимо различных функций, каждый из этих типов столиц пользовался определенным символическим языком и системой кодов, которые отличали их друг от друга. Выделение этих типов имеет решающее аналитическое значение для понимания эволюции идеи столичности и ее модификаций в различных цивилизациях.

В первой главе будут обсуждены сакральные и королевские столицы, а также тесно связанные с ними по происхождению национальные столицы. О различных аспектах истории и символизма последних пойдет речь в нескольких последующих параграфах. Имперские и отчужденные столицы будут обсуждены уже во второй главе исключительно в контексте их переносов.

Исторические формы столиц

Мобильные столицы

В древности и в Средние века (примерным водоразделом здесь может служить период формирования вестфальской системы) столицы не играли критической роли в жизни государств. Строго говоря, до XVII века столиц *в современном смысле слова* попросту не существовало. В разных языках слово «столица» означает просто укрепленный город, крепость, королевскую резиденцию (как, например, *стол*, *престол* в русском языке) или «мать городов» (Emet, 1996). В мозаике форм человеческих поселений были заметные и успешные коммерческие центры, военные крепости, резиденции князей и королей, а также города-государства, города-империи и важные культовые и религиозные центры. Своих столиц не было даже в крупных имперских государствах древности, например в Македонской империи⁸. Разумеется, во всех этих государствах существовали сильные военные и политические центры. Но собственно столицы в современном смысле этого слова возникают в Европе только в период раннего нового времени. В контексте досовременных государств можно говорить, скорее, о *протостолицах*.

Можно выделить два типа мобильных или перипатетических столиц: переходящие, или чередующиеся, столицы (*itinerant capitals*) и блуждающие столицы (*wandering capitals* или *roving capitals*).

Если мы обратимся к устройству Священной Римской империи, то обнаружим, что у ее императоров даже не было постоянной ставки и канцелярии и соответствующих чиновников для регулярного ведения делопроизводства. Например, Карл Великий большую часть времени проводил в Аахене, но мог находиться также в Вормсе или в Рейнских землях. Столичная функция была переходящей и зависела от места пребывания императора. По большей части мобильная столица империи блуждала между Вормсом, Нюрнбергом, Прагой, Веной, Римом, Берлином, Франкфуртом и Майнцем. В Майнце первоначально происходила коронация императоров. Имена некоторых прославленных императоров Священной Римской империи были тесно связаны с их любимыми городами Германии, которые тем не менее не считались столицами: например, Бамберг – с Генрихом II, Вюрцбург и Нюрнберг – с Фридрихом Барбароссой, а Шпайер – с Конрадом III⁹.

⁸ Вопреки внешней аналогии, Александрия, основанная Александром Македонским, не имела в виду в качестве новой столицы Греции подобно столицам древних восточных государств, названных по имени их царственных основателей, – городу Пер-Рамсесу, столице Древнего Египта, построенному фараоном Рамсесом II, или столицам Армении – Артаксату, построенному царем Артаксом, или Тигранакерту, построенному Тиграном Великим. Жан Готтман, французский географ, пишет о попытке построения общей столицы для греческих городов-государств, которая предпринималась фиванским генералом и пифагорейцем Эпаминондом (410–362 до н. э.). Он приступил к строительству новой столицы федерации греческих городов-государств – Мегалополиса (Большого города) – в Аркадии в Южной Греции, но его планам по объединению Греции не суждено было осуществиться (Gottman, 1985: 67).

⁹ Уместность и важность анализа в данном контексте Священной Римской империи, которую некоторые авторы до сих пор ошибочно рассматривают как эфемерное или фиктивное образование, не игравшее существенной роли в решении политических судеб Европы, определяется ее ролью своего рода федеративного образования, которое продолжает оказывать влияние или даже формировать политические процессы в Европе задолго после своей официальной гибели. Такие инерционные оценки, во многом созвучные известной формуле Вольтера, остроумной, но вряд ли верной (она не была ни Священной, ни Римской и ни империей), во многом опираются на клишированное представление об империях как чрезвычайно жестких политических образованиях. Многие современные историки рассматривают Священную Римскую империю как черновик и прообраз Евросоюза, считая линию и миссию Австро-Венгрии в европейской и международной политике и дипломатии прямым продолжением миссии Священной Римской империи (Nedreb0, 2012). Брюссель, находящийся недалеко от Аахена, продолжает эту линию и во многом ориентирован на ее ценности.

Эти традиции Священной Римской империи, возможно, заложили основы децентрализации и плюрализма столиц в период, когда складывалось древнее единство Европы. Столицы такого рода можно также назвать переходящими столицами. Именно такой тип движущейся столицы предлагали для Европы вместо Брюсселя некоторые приглашенные на встречу с Проди, специально созванную для обсуждения вопроса об образе европейской столицы, именитые и почетные гости, в частности Бронислав Геремек, польский диссидент, специалист по истории Средних веков, позже министр иностранных дел Польши и депутат Европарламента. Необходимость такой столицы для Европы он обосновывал отсылками к европейскому феодализму и опыту Священной Римской империи (Wise, 2002). И некоторые элементы такого подхода мы видим в актуальном распределении некоторых столичных функций между городами Европы: Страсбургом, Люксембургом и Франкфуртом.

У многих древних и даже относительно современных народов существовал другой тип подвижных столиц, которые некоторые историки называют «блуждающими». Такой тип столиц был вовсе не обязательно связан с кочевым образом жизни. В Японии столицы государства в течение многих столетий часто менялись в связи с представлением об обновлении харизмы нового правителя (место, где умер предыдущий правитель, считалось оскверненным). Первой постоянной столицей Японии стал город Нара (Wheatley & See, 1978; Goethem, 2008). В более позднее время – в XVI–XVII веках – непостоянные, блуждающие, столицы возникают в Эфиопии, где они служили особой стратегии ведения войны, будучи своего рода временными военными ставками (Howath, 1969).

У самих кочевников, вопреки распространенному мнению, как раз были свои – причем относительно стабильные – столицы, например Неаполь Скифский у скифов (в районе Симферополя), Сарай-Бату (в районе Астрахани) у татар или Шарукань (в районе Харькова) у половцев.

Важную роль в родословной современных столиц играют сакральные и королевские столицы, которые выступают одновременно и *предшественниками* и *антиподами* национальных столиц. Попытаемся проследить генеалогию и маршрут движения от сакральных и королевских столиц к столицам национальным.

Сакральные столицы

В контексте генеалогии современных столиц особого рассмотрения заслуживает феномен сакральной – то есть религиозной или ритуальной – столицы. Многие теоретики городов, в том числе такие блестящие историки и антропологи, как Фюстель де Куланж и Пол Уитли, указывали *из религиозных истоки урбанизма* (Coulanges, 2001; Wheatley, 1971). Наиболее показательна в этом плане книга последнего «Ось четырех кварталов: предварительное исследование истоков и характера древнекитайских городов», которая стала вехой в понимании урбанистической истории и антропологии. Сакральные столицы в различных формах сложились на всех континентах. Примерами таких ритуальных столиц могут служить Теотиуакан в Мексике, Персеполь в Персии или Большое Зимбабве, ритуальный центр предков народности шон, в Африке¹⁰.

Сакральные столицы были, по существу, городами-храмами, городами, сложившимися и разросшимися вокруг храмовых комплексов. Особая важность этих сакральных столиц состояла в том, что они были встроены не только в социальный порядок государства, но и в космический порядок. При этом устроительная функция города мыслилась продолжением миро-

¹⁰ Подробный обзор азиатских сакральных столиц можно найти в статье Франка Кейтинга (Keiting, 1994). Интересная дискуссия сакральных столиц Индонезии и индуистских сакральных столиц в целом представлена в книге известного антрополога Клиффорда Гирца (Geertz, 1973: 223–230).

устроительных функций богов и первопредков. Смысл этих городов состоял не только и даже не столько в их географической центральности внутри древних государств, сколько в их роли связующего звена между небом и землей, божественным и человеческим порядками мироздания – своего рода космической центральностью. Так, например, в Вавилоне упорядочение хаоса богом Мардуком завершается устроением им жилища для себя и для других богов – возведением сакрального города Вавилона (Eisenstadt, 1986:186–187). Сакральные города строились как модель мира, и они обнаруживают архетипическое стремление моделировать большое пространство в пространстве малом (Leroi-Gourhan, 1986).

Американский антрополог Клифорд Гирц так описывает сакральные индуистские столицы Индонезии XIV и XV веков, замечая, что многие их черты сохранились и в гораздо более поздние эпохи.

Самой важной из концепций управления была так называемая теория центра-образца, – представление о том, что столичный город является микрокосмом сверхъестественного порядка... и материальным воплощением порядка политического. Столица была не просто ядром, двигателем или осью государства; она была самим государством. В эпоху индуизма королевский дворец охватывал практически весь город. Расчерченный на квадраты, построенный в соответствии с представлениями индийской метафизики, «небесный город» был больше, чем местом власти... В центре его находился божественный король, который воплощал божество; его трон символизировал гору Меру – местопребывание богов; по направлениям четырех священных ветров вокруг него по квадрату располагались здания, дороги, городские стены и даже, в период церемоний, его жены и свита. Считалось, что не только сам король, но и знаки его власти... наделены харизмой. Дворец и его жизнь составляли средоточие королевства, и тот, кто, часто подготовленный особой медитацией для достижения нужного духовного состояния, захватывал дворец, приобретал тем самым всю империю, овладевал харизмой и смещал короля, потерявшего свой священный статус (Geertz, 1985: 222–223).

Таким образом, в символизме многих древних столиц акцентирована не только властная, но и космическая составляющая, встроенность города в космическое время и мифологические нарративы. В некоторых культурах считалось, что сакральная столица находится не просто в центре государства, но и в центре мира. В определенных случаях такой город описывался как пуп земли или *Axis Mundi* (Россман, 2003). Так, например, ритуальная столица Вилькас находилась, по представлениям древних инка, на пересечении четырех сторон света. Сакральные столицы были особыми обетованными, или *избранными*, городами, выделенными из окружающего природного и социального ландшафта.

В древних государствах организация пространства была также важным инструментом политического контроля и средством политической и культурной пропаганды. Традиционные космографические модели, представлявшие сакральные города образами неба на земле, способствовали легитимации власти правителя. Такие космографические схемы и формы организации и представления пространства мы находим в цивилизациях Древнего Египта, Вавилона и Древнего Китая (Meyer, 1976: 109; Westenholtz, 1998).

Сакральные столицы были единственными и главными столицами во многих древнейших цивилизациях. В них религиозная легитимация статуса правителя играла наиболее важную роль. В большинстве из вышеперечисленных государств сакральная столица первоначально совпадала с политической столицей или протостолицей, и смена политического курса в них часто сопровождалась важными религиозными реформами. Так, например, в Египте смена политических центров всегда была сопряжена со сменой культа или религиозными реформами¹¹. Фараоны Египта вели свою родословную от богов. Император Китая считался сыном Неба. Правители инка именовались сыновьями Солнца.

¹¹ Возвышение конкретных номов и городов, куда переносились столичные функции, сопровождалось возвышением их

Несколько менее выражена эта тенденция была в государствах Месопотамии. Интересно подчеркнуть, что в последних, собственно, коммерческие элементы городов были более выражены по сравнению с египетскими городами, где как раз больше акцентировались чисто религиозные функции. На это, в частности, обращал внимание Фернан Бродель в своей книге «Память и Средиземное море» (Braudel, 2001: 66–67)¹². Возможно, такая ситуация объясняется географическим положением Месопотамии, через которую исторически проходили важнейшие торговые пути (например, лазуритовый путь возник уже в 3–2 тысячелетиях до н. э.).

Поэтому в государствах Месопотамии, а также в древнем Израиле и Греции, постепенно сложилось более четкое разделение труда между религиозными и политическими центрами. Общие ритуальные центры или духовные столицы играли критически важную роль в культурной интеграции различных племен и народов и служили нейтральными территориями, относительно автономными по отношению к политическим центрам. Первоначально они часто возникали в ситуации фрагментации политической власти или в условиях создания федераций для защиты от общих врагов.

Примерами здесь могут служить Дельфы в Греции, Силом в Древнем Израиле или Ниппур в Месопотамии, служившие *главными религиозными центрами* соответственно панэллинской, паниудаистической и паншумерской цивилизаций. В тот период эти народы представляли собой конфедерации племен или колен. В Силоме в эпоху Судей (XIII–XI вв. до н. э.) находилась Скиния Завета (Навл 8:1) и совершались общеизраильские празднества; в Дельфах находился оракул, или прорицатель человеческих судеб, одинаково важный для всех греческих полисов (Iannaccone, Haight, Rubin, 2011: 333–334). Нейтральность этих религиозных столиц, которые не пытались монополизировать ни одно из входящих в конфедерацию племен, определяла их роль в интеграции и разрешении межплеменных конфликтов¹³.

Тенденция к отделению религиозных столиц от политических была сильной в Европе. Выделение Рима в общеевропейский религиозный центр с эпохи Раннего Средневековья во многом определило логику развития европейской истории и взаимоотношения светских и духовных властей. По сути дела, положение Рима в Священной Римской империи воспроизводило роль Дельф в Древней Греции.

Кентерберийское аббатство в Англии, Сантьяго-де-Компостела в Испании, Реймс во Франции (здесь происходила церемония миропомазания французских королей), Ватикан в Италии, Мцхета и Эчмиадзин в Грузии и Армении, Старая Уппсала в Швеции, город Ниш в Сербии (резиденция митрополита Сербской православной церкви), Гнезно в Польше (традиционная резиденция примаса Польши, архиепископа Гнезненского) стали *отдельными от столиц религиозными центрами*, пространственно отделенными от центров политической власти. В некоторых случаях, например в случае Ватикана, такие религиозные центры при-

религиозных культов. Гелиополь был известен своим культом бога Ра, Мемфис – бога Птаха, Фивы – культом Амона, Ахетатон – Атона. Тесная сопряженность политической власти с религиозными культами свидетельствует о более тесной связи религии и государства в Египте по сравнению с государствами Месопотамии.

¹² В своей книге Бродель противопоставляет характер урбанизма в Египте и в Месопотамии. Если в последней города были достаточно автономны и больше ориентированы на торговлю, то в Египте города были по преимуществу религиозными центрами, что отчасти объясняется тупиковым географическим положением Египта и, напротив, большей рыночной открытостью государств Месопотамии, лежавших на торговых путях. Хозяйство Египта было по преимуществу сельским, а потому, пишет французский историк, главный его городской потенциал сосредоточился в столичных городах, которые контролировались храмами и жрецами. Напротив, в Месопотамии хозяйство было гораздо сильнее связано с коммерческой деятельностью; здесь даже складывается своеобразный городской патриотизм, который мы видим, например, в эпосе о Гильгамеше. Этими различиями определялась, по мнению Броделя, более высокая динамика месопотамской экономики и цивилизации и ее более высокое разнообразие (Braudel, 2001: 66–69). Интересно заметить, что внутри Месопотамии южная ее часть, Вавилония, располагала более густой и разветвленной сетью городов (Eisenstadt, 1986: 186–188).

¹³ Экономисты выделяют три типа *религиозных рынков*, которые подразделяются на монополистические и немонополистические, которые, в свою очередь, могут характеризоваться совершенной или несовершенной конкуренцией. Примером совершенной конкуренции на религиозном рынке выступает организация религий в США. Примером несовершенной конкуренции являются религиозные рынки, например, в описанных союзах племен (Iannaccone, Haight, Rubin, 2011).

знавались в качестве отдельных и относительно независимых территориальных образований. Неевропейскими примерами таких религиозных столиц могли бы также служить Мекка и Медина в Арабском халифате, город Истахр в Персии, который стал духовным центром зороастризма, главным святилищем огня и хранилищем Авесты после разрушения Персеполя¹⁴, а также инкская ритуальная столица Вилькас.

В некоторые исторические эпохи в Китае также существовали сакральные столицы, отдельные от административных столиц. Так в эпоху династии Чжоу (особенно это относится к периоду IX–VIII вв. до н. э.) в Китае было две столицы: сакральная столица в Цися на западе страны и меняющиеся административные и военные столицы (в эпоху Восточного Чжоу административно-политической столицей стал Лои в центре государства) (Khayutina, 2007, 2008). В своей статье, посвященной перемещениям столицы Чжоу и опирающейся на детальный анализ текстов и археологические данные, Марина Хаятина, синолог и специалист по этой эпохе китайской истории, обосновывает точку зрения, согласно которой более древний город Цися (или Цишань, названный так в честь священной горы Ци) продолжал оставаться сакральной столицей Чжоу и главным алтарем чжоуских ванов, где хранились их священные реликвии и где семейному клану Чжоу были явлены знаки его мандата на правление (фениксы и красные вороны) (Khayutina, 2008). Эта столица в некоторых аспектах была похожа на сакральные столицы греков и иудеев – Дельфы и Силом, – отделенные от центров политической власти. Если главной иудейской реликвией была скиния завета, то главной реликвией китайцев были девять жертвенных треножников, которые воплощали девять областей Китая и позже служили символом власти императора. В районе города Цися было обнаружено множество ритуальных предметов и бронзовые треножники (Khayutina, 2008). Следует отметить, что в последующей конфуцианской политической традиции именно ваны династии Чжоу (прежде всего Вэнь-ван и Чэн-ван), идеализированные Конфуцием, считались образцовыми правителями¹⁵.

Роль религиозных, или культовых, столиц также часто приписывалась *бывшим столицам*, таким как Киото в Японии, Стамбул в Турции, Армавир в Армении, Гнезно в Польше (место, где короновался первый польский король) или Москве в эпоху Российской империи (Gottman, 1985).

Древний и средневековый исторический опыт дуализма или монизма политических и религиозных центров или столиц также оказывал заметное влияние на последующую структуру власти уже современных государств и устройство их урбанистической иерархии. В тех государствах, где произошло более четкое разделение на религиозные и светские политические столицы, как правило, более явно обозначилась тенденция к разделению функций городов и разных типов властей, а также возникла более плюралистическая и полицентрическая система городов. В этих государствах произошло также более четкое размежевание на религиозные и светские элиты. Понтификальный элемент здесь могли представлять жрецы, священники, маги и чародеи. Политические элиты были представлены правителями, королями или императорами.

Напротив, ситуация цезарепапизма или государственной монополии на религию была наиболее ярко выражена в Египте в древности и в Византии в эпоху Средневековья.

¹⁴ Подобно императорам Священной Римской империи персидские шахи часто перемещались по разным городам государства. Лето царь царей, как правило, проводил в своей горной резиденции в Экбатане. Несколько месяцев в году он жил в окрестностях целебного источника в Сузах. Иногда останавливался в Вавилоне, самом большом городе Древнего Востока. Но Новый год он неизменно встречал в Персеполе (Парсе). Это был центр религиозного культа, связанный, прежде всего, с храмом Ормузда и ритуалами праздника Нового года. Интересно, что Персеполь был изъят из экономической жизни страны и находился на каменистой равнине, в бесплодной местности, которая зависела от поставок продовольствия из других регионов (Perrot, 1998). Хотя Персеполь по этому параметру был похож на отчужденные политические столицы, которые мы обсудим в главе специально посвященной этому типу столиц, роль его была скорее ритуальной, чем политической.

¹⁵ Вероятно, является ошибочной идентификация сакральной столицы с городом Хаоцзин, которая присутствует в некоторых статьях (Задвернюк, Козыренко, 2002). Хронология китайских столиц представлена в таблице 6.

В Византии сложилась система *пентархии* из пяти православных патриархатов: в Константинополе, Александрии, Антиохии, Иерусалиме и Риме. Однако они рассматривались, скорее, как проекции административной власти вселенского патриарха в Константинополе с его резиденцией в Софийском соборе и императора Византии, чем как сакральные центры сами по себе. На административный характер этого разделения указывает, например, первенство Александрии и Антиохии во вселенской церкви и позднее возникновение самого Иерусалимского патриархата, который из кафедры превратился в патриарший престол только в 451 году, хотя именно Иерусалим был колыбелью христианства. Решающее слово в избрании патриарха и пяти важнейших патриарших чиновников принадлежало императору¹⁶.

Тенденция подобного рода проявилась и в русской истории. В России древний религиозный центр в Кремле постепенно превратился в центр политической власти. Если в императорской России «порфиноносная вдова» была в какой-то степени отделена от своего мужа – государства – в качестве религиозной столицы, то в донетровскую и постсоветскую эпоху Россия гораздо теснее сближается с цезарепапистской моделью власти. В идеологии многих групп, которые участвовали в обсуждении проблемы переноса столицы России, Москва выступает одновременно как сакральный и как политический центр. При этом сакральный статус Москвы служит аргументом в пользу ее уникальных претензий на статус столицы.

Многие палестинские политические группировки и некоторые группы израильтян также апеллируют к сакральному статусу Иерусалима для обоснования своих претензий на превращение города в политическую столицу своих государств (Melman, 2009). В современном мире это достаточно редкие примеры представлений о том, что *политическая столица должна непременно обладать атрибутом святости*. В большинстве стран произошло ясное размежевание этих двух категорий городов.

Заметим в скобках, что выбор святых мест и сакральных городов во многих традиционных цивилизациях происходил гораздо более рационально, чем это кажется многим современным историкам и комментаторам. Исторически всегда подспудно происходила своего рода селекция из великого множества существовавших святых мест. Анализ расположения важнейших старинных религиозных центров – таких как Дельфы, Иерусалим или Мекка – показывает, что их выбор был часто продиктован вполне земными и понятными соображениями, в том числе и соображениями политической прагматики или даже конъюнктуры (Joffe, 1998). Современные фундаменталисты, кажется, действуют гораздо более непреклонно в своих попытках установления контроля или возвращения статуса столиц старинным сакральным центрам (Pipes, 2001).

Королевские столицы

Несмотря на многообразие конкретных исторических воплощений королевских столиц в европейских и неевропейских обществах, а также множественность форм монархической власти, можно говорить о некоторых типических чертах королевских столиц как особом классе городов.

В древности и Средневековье столичные функции не отделялись от тела короля или императора. Королевской или княжеской столицей обычно считался город, где находилась резиденция королевской семьи (стол), и потому они были гораздо более мобильны по сравнению с сакральными столицами. При этом сама фигура правителя обычно заслоняла собой пространственную локализацию этой резиденции. В некоторых случаях королевская резиденция могла совпадать с сакральным центром государства и король помимо государственных задач

¹⁶ Некоторые аспекты византийского урбанизма и столичности более подробно обсуждаются в книге «В поисках Четвертого Рима» (Россман, 2013), где речь идет о новостоличных дебатах в России.

мог также выполнять различные религиозные и ритуальные функции. Религиозный символизм становился в таких случаях частью государственного ритуала. Происхождение монарха при этом часто связывалось с божественными первопредками для религиозной или космической легитимации его власти.

Центральной идеей архитектуры королевских столиц была идея высшего характера власти монарха, которому в некоторых случаях приписывалось божественное происхождение. Таковы королевские столицы многих стран Ближнего и Дальнего Востока. Во многих случаях постепенно происходило пространственное разделение между светскими и религиозными столицами, о чем мы уже упоминали выше.

Королевские столицы нового времени, хотя часто и находились в непосредственной близости от наиболее крупных городов страны, не всегда были достаточно укоренены в самом городе. В этих государствах власть часто локализовывалась в окрестностях большого города, смутно опасаясь его и чувствуя в нем враждебную силу. Во Франции, Испании и Англии, государствах, которые до сих пор остаются чрезвычайно централизованными, королевские столицы и двор, находясь неподалеку от большого города, никогда не сливались с ним и часто находились в конфликте с городскими интересами. Пройдет немало времени прежде чем политическая власть сможет более надежно обосноваться в самом большом и главном городе страны.

История взаимоотношений королевского двора и главного города страны проникнута противостоянием короны и городских классов. По мнению Жана Готтмана, именно история этого противостояния среди прочих причин заложила основы современных систем демократии (Gottman, 1990: 69–71).

В Париже столкновение короны и городских классов начинаются уже в Средние века. Парижский университет на левом берегу Сены добивается от Рима особой хартии, которая дает ему привилегии самоуправления. На правом берегу Сены оппозицию двору составляют купцы; для их лучшего контроля дворец перемещается на правый берег. Однако уже с XVI века двор редко пребывал в столице и передвигался между королевскими крепостями Луары, Сен-Жермена и Фонтенбло. В эпоху Марии Медичи королевский двор находился в Блуа. В XVII веке двор перемещается сначала в Сен-Жермен-ан-Ле (Saint-Germain-en-Laye), а потом в Версаль. При этом приезды короля в Лувр были связаны почти исключительно с формальными аудиенциями (Gottman, 1990: 69–71).

Подобное противостояние короны и главного города было характерно и для Англии. Попытки английских королей «приручить» город и превратить Лондон в королевскую столицу не увенчались успехом. Только в XIII веке казначейство переместилось из Уинчестера в Вестминстер, который постепенно стал столицей, где разместилась королевская администрация. Вестминстер был тогда небольшим городом недалеко от Лондона, коммерческого центра страны. Только в начале XVII века Вестминстер и Лондон сливаются в единое целое, но английским королям, несмотря на настойчивые попытки первых Стюартов, так и не удалось создать здесь полноценную королевскую столицу континентального образца. Серия конфликтов и гражданская война окончательно разрушила их королевские амбиции и планы на город (Robertson, 2001: 44–48).

В чем-то сходная ситуация взаимоотношений власти и города сложилась в Испании. Перемещения испанского двора из Толедо в Мадрид (1561), из Мадрида в Вальядолид (1601) и обратно в Мадрид (1606) были во многом связаны с противостоянием двору и, по крайней мере в первом случае, с конкретным социальным конфликтом – восстанием «коммунерос» в Толедо. Королевская столица Испании располагалась в Эскориале, в 50 километрах от Мадрида. При этом, как пишет историк Испании Дэвид Рингроуз, столица страны воспринималась лишь как своего рода «необязательное дополнение к двору» и сцена для демонстрации могущества. По сути дела, столичная функция Мадрида сводилась к процессиям и церемониям

легитимации власти. Рингроуз подчеркивает, что до 1561 года у испанских королей вообще не было фиксированного двора. Монументальные королевские здания в Мадриде появляются только в эпоху Бурбонов в XVIII веке. Не случайно Габсбурги (Филипп II, III и IV) всегда последовательно и умышленно избегали этот город (Ringrose, 1983: 232–233).

Все эти примеры иллюстрируют то, что Жан Готтман называет «явной тенденцией к отделению большого города от центра политической власти, которая не может быть доверена спокойному метрополису» (Gottman, 1990: 68). «Это состояние, – замечает он далее, – продолжалось целое столетие. Одним из первых актов революции 1789 года было возвращение короля и двора из Версаля обратно в город. После волнений 1848 года барон Осман (Haussmann) осуществляет план перестройки города, задачей которого было сделать его более безопасным для пребывания правительства» (Gottman, 1990: 70).

Таким образом, вне зависимости от того, находился ли королевский двор в столице или за ее пределами, важно понять, что политическая власть не была *интегральной частью самого города*. В королевских столицах власть и город еще разделены и противостоят друг другу, и город с его клеточной памятью о хартиях вольностей и средневековых формах самоуправления оказывается чуждой и часто враждебной средой для локализации власти. Но королевский двор и город как бы растут навстречу друг другу. Лишь постепенно, с возникновением национального государства и новой национальной идентичности, происходит закрепление политической власти в столичном городе.

Тем не менее следует признать, что сам рост королевских столиц в некоторых странах и их амбиции подготовили движения европейского национализма. Режимы абсолютизма в Европе с их тенденциями к сверхцентрализации и бюрократизации власти и ресурсами политической мобилизации и перераспределения доходов между центром и периферией уже заложили ту основу, на которой впоследствии смогут возникнуть национальные столицы и национальные государства. Попытки монархов привнести или выплеснуть королевскую благодать на город обернутся впоследствии национализацией самой монархии. То, что не удалось монархам, удалось новому субъекту истории – нациям.

Как мы покажем в следующих главах, национальные столицы обязаны многими своими важнейшими формами и идеями своим предшественницам – сакральным и королевским столицам. Следующие несколько параграфов этой главы будут посвящены различным аспектам истории и конституции национальных столиц. К имперским и отчужденным столицам, которые мы упомянули в качестве исторических форм столичных городов, мы перейдем лишь в третьей главе и обсудим их главным образом в контексте их переносов.

Аспекты истории и конституции национальных столиц

О богатстве столиц: XVII век

В XVII веке наметилась тенденция исключительно высоких темпов роста именно столичных городов по сравнению со всеми остальными европейскими городами. В предшествующие периоды рост шел приблизительно равномерно и пропорционально во всех городах европейских стран. Однако в XVII веке происходит переход от господства мир-экономик, связанных с торговыми городами, такими как Генуя, Венеция и Антверпен, к подъему крупных национальных экономик, которые были сосредоточены в столицах. На этот факт впервые обратил внимание Фернан Бродель в своей истории европейского капитализма (Braudel, 1987). Впрочем, некоторые современные историки называют его соображения и наблюдения по этому поводу «импрессионистическими» (Ringrose, 1998: 155). В относительно недавних сочинениях по урбанистической динамике, в частности в работах Жана де Вриза, «импрессионистские» впечатления Броделя получили надежное количественное подтверждение (Vries, 1984).

Согласно подсчетам историков урбанизации в Европе треть роста европейских городов в XVI–XVII веках приходится именно на столичные города (Clark, Lepetit, 1996: 36). Экономически они зависели от роста королевских дворов и государственной бюрократии, а также притока крупных землевладельцев и развития торговли предметами роскоши. Они становятся международными центрами моды и предметом для подражания в одежде, образе жизни, архитектуре, манерах, способах потребления материальных благ и формах проведения досуга.

С 1600 по 1700 год городское население в Англии выросло с 8 до 17 %. За этот же период доля Лондона в общем населении страны выросла с 5 до 11,5 %, а его доля в городском населении увеличилась с 60 до 67 %. Такая динамика роста города вызывала беспокойство короля Джеймса I, который иронически заметил, что «скоро Лондон станет всей Англией» (Robertson, 2001: 42; Vries, 1984: 64).

Темпы роста столичных городов были не менее высоки в континентальной Европе, и случай Лондона только подтверждал общие тенденции урбанистической динамики. Париж вырос с 200000 жителей в 1590 году до 550000 в 1700; Мадрид с 40000 человек в 1560 году до 170000 в 1630; Берлин с 10000 жителей в 1650 до 170000 к 1800 году. Другие европейские столицы, население которых увеличилось более чем в два раза, включали в себя Копенгаген, Дублин, Стокгольм, Вена, Лиссабон и Рим (Ringrose, 2008: 177).

Как известно, Адам Смит назвал свое главное магистральное сочинение «О богатстве наций». Известный американский социальный теоретик городов Джейн Джейкобс сделала значимую поправку к Адаму Смиту: с ее точки зрения, реальными историческими субъектами роста и богатства выступают не нации, а города. Поэтому, считает она, гораздо правильнее было бы говорить не о богатых и бедных нациях, а богатых и бедных городах и регионах в силу неравномерности экономического развития внутри национальных границ (Jacobs, 1984). Применительно к XVII веку, однако, как следует из вышеприведенных цифр, было бы правильнее говорить не о богатствах городов, а о богатстве столиц, где в ту историческую эпоху концентрировались практически все ресурсы и возможности страны. Именно такими нациями были европейские общества XVII века, и именно концентрация богатств в столичных городах во многом определила траекторию дальнейшего развития Европы.

Многие историки экономики традиционно связывали драматический рост европейских столиц, прежде всего, с рыночными отношениями и рассматривали их только в качестве чрезвычайно разросшихся коммерческих центров. С их точки зрения, столичность вырастает из экономического могущества и из всей системы рыночных отношений. Ключевые эконо-

мические центры государств становятся политическими центрами, конвертируя свою экономическую власть в политическую. Именно структурой рыночных сетей историки экономики склонны объяснять широкую интеграцию урбанистических рыночных и политических пространств в XVII веке, которая сменяет собой фрагментированные урбанистические системы и сети.

По мнению Дэвида Рингроуза, в каком-то смысле такое объяснение продиктовано дисциплинарными предрассудками историков экономики. Сам Рингроуз, следуя идеям Броделя, обращается к истории Мадрида в контексте социально-политической жизни Испании в XVII веке. Он показывает, что подъем Мадрида, куда стали стекаться чиновники, королевские курьеры, просители, лоббисты и королевская гвардия со всей страны, во многом ответственен за то, что прилегающие к нему области были обескровлены (Ringrose, 1998: 179).

Дэвид Рингроуз считает, что именно политические факторы, а не экономические урбанистические сети создают предпосылки роста крупных европейских столиц, которые впоследствии становятся моторами экономического развития этих стран и всей Европы (Ringrose, 1998: 156, 181). Для доказательства этого тезиса он, в частности, демонстрирует, что интеграция урбанистических сетей Европы происходила не столько в результате естественного развития экономических рыночных отношений, сколько за счет новой политической урбанистической иерархии, во многом связанной с подъемом новых политических столиц. Экономические историки, считает он, насытили историю городов множеством экономических предрассудков, полагая, что формирование урбанистических сетей происходило под доминирующим или даже исключительным влиянием рыночных отношений и сформировавшихся под их влиянием сетей обмена. Это представление оставляет в тени те политические отношения, которые сформировали сами рынки и определили направление и основные векторы их развития. Мировые рынки, считает американский историк, во многом формировались как раз под политическим прессом столичных городов, которые определяли и формировали их конфигурацию.

Бродель обращал внимание на то, что столичные города больше не могли обеспечить себя за счет местного сельскохозяйственного рынка средневекового образца. Стандартными для средневековых городов были зоны снабжения в радиусе 40–50 километров от города (Fields, 1999: 110–112). Растущее население столиц больше не могло обеспечиваться этими близлежащими рынками, что привело к развитию дальней торговли и подъему крупных коммерческих структур, которые могли ее организовать¹⁷. Именно в качестве центров, или машин потребления, столицы упрочивали капиталистическую систему (отличную от рынка) за счет интенсификации деятельности крупных торговых сетей, осуществлявших снабжение столичных городов. Бродель иронично замечает в этой связи, что наибольший инновационный импульс надо приписать желудкам Лондона и Парижа, которые революционизировали снабжение и производство продовольственных товаров, организованное крупными торговцами (Braudel, 1977: 22).

Сосредоточиваясь в своем анализе на примере Мадрида, Дэвид Рингроуз также показывает, что малопродуктивные с точки зрения экономики типы рынков определяют динамику роста столичных городов и формируют рыночные сети в Европе. Спрос на специфические группы продуктов, – прежде всего, на предметы роскоши и экзотические товары, потребляемые двором и доставляемые путем дальней морской и сухопутной торговли, – а также системы перераспределения богатств в пользу столицы, где находится королевский двор и концентрируется спрос на эти группы продуктов, формирует конфигурацию мировых рынков. Эти процессы практически спровоцировали перераспределение богатств в пользу столицы, неизбежно за счет провинции и сельской местности.

¹⁷ Эта тема более подробно освещается в книге: Clark, Peter; Lepetit, Bernard. Capital Cities and Their Hinterlands in Early Modern Europe. Cambridge: Scholar Press, 1996.

Механизм этого процесса также подробно описан историками. Изъятие излишков сельскохозяйственной продукции делает невозможными инновации в сфере аграрного производства. Мобилизация продуктивных ресурсов на дорогостоящую транспортировку товаров и особое снабжение Мадрида спровоцировало обнищание и запустение других кастильских городов (Ringrose, 1998: 177; 1983).

Подводя итог, можно сказать, что эффект масштаба и локализации в области спроса, который обеспечили столичные города, стимулировал также и индустриальное производство. Хотя потребление в крупных городах часто носило паразитический характер, агломерация огромного количества населения в одном городе приводила к пространственной консолидации спроса, сокращению транспортных издержек и к укрупнению коммерческих структур, которые обеспечивали снабжение крупных столичных городов. В известном смысле здесь действовал экономический закон Сэя, согласно которому совокупный спрос поглощает весь объем продукции при гибких ценах (по аналогии с агломерационным эффектом в области производства и обмена). В XIX веке эта концентрация спроса нашла свой баланс в концентрации предложения, которая воплотилась в индустриальной революции.

Централизация и столичные города в формировании национализма

Тенденции централизации, которые первоначально координируются и направляются под эгидой королевской власти, служили нескольким важным целям. Главными из них были внутренняя стабильность, формирование крупных внутренних рынков и создание экономики, основанной на масштабе и инновациях.

Алексис де Токвиль справедливо видел Французскую революцию продолжением и логическим завершением тенденций централизации и бюрократизации французского государства и элиты, которые начались еще при старом режиме. Историки обращают внимание на тенденции сверхцентрализации во Франции начиная со времен Ришелье и постепенное превращение страны в систему провинций, схожих с восточными сатрапиями. Подрыв аристократической системы и смена аристократов шпаги на бюрократов и интендантов закладывает основы той новой системы, в которой национальная идентичность приобретает решающую роль (Tocqueville, 1856).

Успешное ведение хозяйства требовало сильного централизованного государства, которое могло обеспечить устойчивые рынки сбыта и формирование стабильных рыночных сетей. Купцам был необходим политический спонсор. Более крупный национальный рынок позволял более успешно торговать на международных рынках. Кроме того, новые проекты, в которых все большее место занимали инновации, требовали более узкой специализации для успешной международной торговли, и для этого необходимо было мобилизовать крупный капитал. Более централизованные и политически крепкие государства могли более эффективно мобилизовывать капитал для создания мощного внутреннего рынка и для ведения войны. В результате они получали конкурентные преимущества в экономическом соревновании со старыми коммерческими городами.

В эпоху Возрождения и раннего Нового времени главными двигателями экономики были города-государства, такие как Венеция, Генуя или Флоренция. Экономическое соревнование городов за господство не могло дать решающих преимуществ ни одному из них. У них не могло сложиться долгосрочной специализации, необходимой для широкомасштабной индустриализации. Поэтому возникла необходимость в опоре на политическую и военную мощь государства. В наибольшей степени для такого перехода оказались приспособлены именно крупные централизованные национальные государства.

Процессы централизации идут на фоне широкомасштабных религиозных войн и гражданских конфликтов. Более централизованная власть в состоянии жестко контролировать

гражданские конфликты и противоречия, что минимизирует насилие внутри страны и способствует созданию устойчивого и стабильного внутреннего рынка. Не случайно идея сильной власти Томаса Гоббса захватывает умы именно в XVII веке (и не только в Англии).

Но для более эффективной централизации необходима была также новая идентичность и новая система социальной солидарности. Концепция нации как раз и служила целям этого нового социального заказа. Три базы лояльности, сформировавшиеся в недрах феодального общества, – город, религия и вассальная зависимость – подверглись фундаментальной коррозии в результате экономических изменений и более не отвечали интересам государств. Идея нации, которая заступила место старых форм идентичности, позволяла более эффективно решать государственные задачи. Нации становятся новым субъектом исторического процесса и новыми базами лояльности и постепенно вытесняют и замещают устаревшие формы социальной солидарности.

Национальное самосознание играет важную, компенсаторную, роль в период, когда действия рынка ломают прежние, более простые формы социальной солидарности. В эпоху крупномасштабных боевых действий оно приобретает еще большее значение. Как справедливо заметил Чарльз Тилли: «Из-за своих преимуществ в способности преобразовать народные ресурсы в успех в международной войне большие национальные государства вытесняют империи, федерации, города-государства и всех других конкурентов в качестве господствующих европейских политических организаций и моделей для образующихся государств» (Tilly, 1992:167)¹⁸.

Но если первоначально государства используют нации для своих целей, то постепенно во многих европейских странах начинается и обратный процесс. Нации начинают использовать государство для достижения своих целей и удовлетворения своих амбиций. Такова была общая тенденция в западноевропейских странах. Спровоцированные режимом абсолютизма, централистские преобразования послужили базой для дальнейшей национализации государства, включая саму королевскую власть, экономику, религию и даже инородцев, хотя и в определенных пределах.

Из некоей удобной фикции, к которой апеллировали правители для решения своих задач ведения войны и государственного строительства, нация сама становится агентом истории и постепенно начинает извлекать преимущества из своего нового положения. На начальных этапах государство использует нацию для создания более дешевой и дееспособной армии. В дальнейшем некоторым нациям в Западной Европе удастся национализировать – одним более, другим менее успешно – государство и аппарат насилия в своих собственных интересах. Общая тенденция, таким образом, состояла в том, что сначала государства подчиняли себе идею нации и превращали их в инструменты для более эффективного государственного строительства. Впоследствии наиболее удачливым нациям удастся превратить государство в инструмент для достижения своих национальных и гражданских целей. В такой трактовке нация постепенно становится тождественной самому гражданскому обществу.

Роль столиц в формировании нации

Какова роль национальных столиц во всех этих процессах?

К сожалению, эта роль в формировании европейского национализма и идеи нации недостаточно хорошо осознана и артикулирована историками и социологами национализма. Бене-

¹⁸ Национальная идентичность делает государства более эффективными в качестве «машин войны» и менее уязвимыми для врагов и внутренних переворотов. Если в древних государствах падение столиц как центров власти обычно означало поражение в войне, в новых государствах, особенно европейских, концепция гражданства делала государства более устойчивыми и падение их столиц с гораздо меньшей вероятностью означало поражение в войне.

дикт Андерсон пишет о роли газет, картографии и европейских романов в деле конструирования новой виртуальной идентичности, но практически не упоминает о столицах (Anderson, 1991). Но роль европейских столиц в этих процессах конструирования новой идентичности в деле эмансипации народа от интересов религии, аристократии, королевской власти была не менее важной, если не ключевой. Столица становится подлинным центром национальной консолидации и своего рода визуальной лабораторией национального воображения.

Нации для своего появления нужен центр, который сплачивает разрозненные группы и создает символы, которые легитимизируют существующую власть, создавая для нее более широкую социальную базу, и таким образом позволяют более эффективно вести государственное строительство. Такой центр, как мы видели, уже начал создаваться при режиме абсолютизма, но он был еще не совершенен, так как городское начало в столицах не позволяло им стать прочной и надежной базой власти монархов. Подъем нации позволил изменить эту ситуацию.

Национальная столица возникает как *новая модель локализации власти* – как альянс города и власти, экономики и системы насилия. Если пользоваться категориями Чарльза Тилли, можно сказать, что столица становится своего рода компромиссом между городами как центрами мобилизации капитала и государством как центром мобилизации насилия. Такой альянс становится возможным за счет создания новой, национальной, идентичности.

Один из городов, будучи агентом государства в урбанистической сети, встает на сторону государства в мобилизации политической власти, распространении ее на всю территорию страны. Столица реорганизует рынки, экономику и военное дело. *Она становится посредником между государством и нацией: нация впадает в государство и образует с ним единый водный бассейн через свою столицу.* До возникновения национальных столиц государство было бездомным. С появлением национальных столиц государство более плотно локализуется в урбанистической сети, прежде чуждой или даже враждебной ему.

Концентрация населения в столице служит тому, что последняя может с гораздо большими основаниями представлять себя в качестве легитимного центра представления интересов всей нации. Смещение демографического центра государства в сторону главных городов и резкий рост их населения давал столицам больше оснований для того, чтобы они могли представлять себя в качестве репрезентативных носителей интересов всего народа.

Кроме того, столицы становились «плавильным котлом нации» (Toynbee, 1970: 67). Стягивая людей из различных регионов и провинций страны, они, таким образом, символически замещали взаимодействие лицом к лицу, которое лежало в основе социальной солидарности в физических сообществах, на новый тип социальных уз и взаимодействия, подпитывая тем самым идею виртуального воображенного сообщества. Концентрация богатства в столице создавала условия для формирования консолидированного национального рынка и агломерации спроса.

Однако альянс насилия и города происходит за счет уступок и компромисса с обеих сторон.

Укрепление централизованных государств и бурное разрастание столиц породили проблемы, масштаб которых превосходил собственные ресурсы городов, что привело к активному вмешательству государственной машины в городскую жизнь. Столица становится не совсем городом, так как урезаются ее собственно городские функции. В результате компромисса город становится воплощением не собственно городских интересов, а интересов всей территории. Кардинальные перемены происходят в системе лояльности. Первичной в идентичности жителей становится верность нации или государству, а уже потом – городу.

Изменяется социальный облик города. Подъем столицы закрепил подъем социальных классов отличных от духовенства и аристократии. В традиционном обществе у каждого сословия было свое пространство. У короля – дворец, у аристократии – замок, у крестьянина –

деревня, у духовенства-церкви и монастыри, у буржуазии и ремесленников – город. Подъем абсолютистского государства и последующее рождение национальной столицы ведет к появлению нового класса – государственной бюрократии, административных и гражданских служащих, с которыми старые городские сословия вынуждены делить свое жизненное пространство. Слуги короля и бога уступают свое место не только бюрократии, но и другим растущим городским классам и профессиональным сообществам. При этом столица еще с эпохи абсолютизма нередко затмевает даже сам двор.

Но в результате этого компромисса преобразуется и сама власть; она перестает быть абсолютной, постепенно уступая часть прерогатив парламенту и всему народу в лице его различных классов, который ищет представительства в парламенте и в столице.

Идея города и привилегии горожан – во всяком случае многие из них – распространяются на все население территориального государства. Столбовая дорога развития всей Европы – перенесение городских форм самоуправления и самоидентификации и отчасти даже быта на всю территорию страны и на все население. В результате все жители становятся в какой-то мере горожанами, то есть гражданами¹⁹.

Все эти процессы, подготовленные режимом абсолютизма, создавали лучшую базу для легитимации политической власти, способствовали созданию интегрированных вокруг центра национальных рынков, более эффективной армии и более широкой базы лояльности власти.

Таким образом, столица оказывается в центре процессов образования нации не только в смысле результата этого процесса²⁰, но и в качестве одного из важнейших катализаторов и инструментов формирования нации. Королевские столицы уже подготавливают саму национальную революцию и трансформацию государства. Кроме того, они становятся теми органами, через которые нации создают или изобретают себя. Визуально они позволяли нациям представить себя через свою архитектуру и становились своего рода экранами, на которые нации могут проектировать образы своей идентичности. Именно в столицах как лабораториях национального воображения происходит также изобретение самой провинции и в какой-то степени и деревни в качестве одной из манифестаций национальной идентичности. Парижи были местом рождения идиллических бар-бизонов и прочих буколических местностей. В недемократических странах, где все ресурсы стянуты в столицу, эти экраны национального воображения превращаются в ширму, своего рода потемкинскую деревню.

Итак, в столице соединяются три прежде разрозненных элемента – благоговение, власть и собственно городская среда и формы самосознания, которые теперь распространяются на всю территорию страны. Именно соединением этих прежде разрозненных элементов определяется сила нации, ее жизнеспособность и устойчивость, а также кардинальные особенности столицы как особой категории городов.

Крупные государства быстрее достигают фазы национального самосознания. Столицы служат катализаторами этих процессов, так как здесь формируется гражданская идентичность и наиболее интенсивно идут процессы формирования нации в одном отдельно взятом городе. Столица становится микрокосмом всей нации и ее ретортой самопознания.

История процессов модернизации, реконструкции и перепланировки национальных столиц отражает логику развития и созревания национализма. Известный шведский социальный теоретик Горан Терборн выделяет три момента в развитии и эволюции национальной столицы.

¹⁹ В *Общественном договоре* Руссо призывает к более строгому различению понятий гражданина и горожанина, сетуя на то, что различия между ними оказались стертыми. Руссо ссылается здесь на книгу французского политического философа Жана Бодена (1529–1596), где тот, описывая политическое устройство Женевы, приписывал горожанам большие права, чем гражданам и рассматривал город (*ville*) в качестве гражданской общины. Руссо обращает внимание, прежде всего, на нормативное содержание понятия гражданина, а именно на тот аспект существования народа, который связан с «участием в верховной власти». Руссо, Ж.-Ж. *Общественный договор* (глава 6).

²⁰ Так характеризует этот процесс известный израильский социолог Шмуэль Айзенштадт (Eisenstadt, 1987: 178).

Первый момент он называет собственно национальным. В этот период нация созревает и объявляет о своем существовании. Второй момент связан с народной поддержкой идеи нации. В Европе кульминация этих популярных процессов, по его оценке, приходится на период после Первой мировой войны. В это время идеи национализма демократизируются, попадают в рабочие кварталы, адаптируются социал-демократией. Наконец, третья фаза развития национализма связана с его включенностью в глобальные процессы. Национальные столицы приобретают глобальное измерение, и символы глобализма и модернизации полноправно входят в иконографию национальных столиц, причастных международным глобальным процессам. Все эти три фазы отражаются в эволюции морфологий города и в конstellации символов и смыслов в его схеме, планировке и архитектуре. Таким образом, Горан Терборн представляет достаточно нюансированный подход к вопросу, интегрируя глобальность и национальность как две фазы одного и того же процесса (Therborn, 2008: 64–65).

Один отдельно взятый город оказывается гораздо более податливым и благодатным материалом для утопического творчества и архитектурного эксперимента. Подражая великим утопистам Кампанелле и Томасу Мору, нации пытаются построить свою социальную утопию в отдельно взятом городе, масштаб которого гораздо лучше соответствует ее целям. Нация первоначально представляет себя в урбанистических формах столицы – воображенного города, где отчуждение городской жизни снимается метафорой «воображенного сообщества». Столица становится лабораторией национального творчества, где обкатываются различные видения нации, ее ценностей, видения ее прошлого и будущего. Воображение нации как бы воспитывается самими городскими формами – столицы становятся ее педагогами.

Наконец, стоит сделать небольшое, но важное уточнение или разъяснение к нашему пониманию концепции «воображенного сообщества» Бенедикта Андерсона, которая пояснит концепцию столицы как «воображенного города». Некоторые читатели восприняли концепцию *imagined community* таким образом, что наций как таковых не существует – они являются только фикцией и плодом воображения. Закрепившийся русский перевод термина *imagined community* как «воображаемого сообщества» создает и усиливает это неверное впечатление. Но у Андерсона речь идет о нации как о продукте фантазии только в очень особом смысле. Он употребляет слово воображение, скорее, в кантианском смысле: это воображение следует понимать как форму познания и самопознания. Мы опознаем реальность нации через акты коллективного воображения подобно тому, как конституирующая сила воображения необходима для познания целой группы внешних и внутренних предметов. Именно поэтому в понимании Андерсона нация не менее реальна, чем, скажем, человеческое тело: сознанию удастся понять и соединить себя с телом только в результате серии актов воображения. Нация является плодом воображения в том же смысле, в котором плодом воображения является единство личности.

Источники архитектурных и других форм для национальных столиц

Главной точкой отталкивания в формировании облика национальных столиц стало обособление от религии и от королевской власти, а также от внешнего политического господства в случае колонизированных или зависимых государств. Династические и религиозные формы идентичности, которые носят более универсалистский характер, составляют конкуренцию или бросают вызов новой национальной идентичности. Но при этом происходит щедрое заимствование форм со стороны новых столиц из старых репертуаров и резервуаров аристократии, королевской власти и режима сакральности. Эти старые формы становятся строительным материалом для оформления национальной субстанции, иконографии и архитектурных решений. В своем отталкивании от этих старых идентичностей столица во многом подражает

формам сакральной столицы и королевского дворца. Победитель, как это часто бывает, подражает побежденному.

Уже в эпоху позднего абсолютизма столица отчасти затмевает дворец. Столичная жизнь становится интереснее светской и аристократической жизни, хотя прежде столица, наоборот, подражала двору. «Столица отбивает охоту жить в провинции, двор открывает нам глаза на столицу и вылечивает от стремления ко двору», – писал по этому поводу в «Характерах» Лабрюйер (Лабрюйер, 1974: 334).

Луис Мэмфорд справедливо видит истоки национальной столицы в барочных столицах XVII века (Mumford, 1968: 356, 380, 391–392; об архитектурной и политической концепции барочных городов подробнее см. в Cohen & Szabo, 2008). В столичный город выносятся в модифицированном и значительно гипертрофированном виде некоторые элементы убранства и жизненного распорядка и уклада королевского двора.

Архитектурные формы национальной столицы – это как бы вывернутый наизнанку дворец, растянутый по центральной оси площадей и проспектов. Из дворцового театра возникает национальный театр, опера и концертные залы, из королевских или аристократических коллекций искусства и собраний различной экзотики и курьезов – национальные музеи, из дворцовых парков – ландшафтные парки, из королевского зверинца – зоопарк (Mumford, 1968: 381). Латынь дворцовой архитектуры превращается в разговорный язык городских проспектов и улиц. Двор как бы первым опробует и визирует типичные для столиц урбанистические функции и элементы опыта, которые впоследствии становятся классическими выражениями столичного этоса и формами репрезентации нации. В площадях преобразенных столиц часто чувствуется торжественность и праздничность королевских парков, дворцов и резиденций. Нация также подражает аристократии и в своей озабоченности (или ее имитации) вопросами крови, происхождения, историей своего рода или родословной в формах национальной истории. Все эти королевские или аристократические культурные элементы и формы постепенно национализируются и демократизируются. Победители подражают побежденным.

В своих формах ритуала нации в большей степени подражают сакральным столицам, модифицируя их ритуалы и церемониал. Нации создают свои культы, свои символы, параферналии и церемонии, альтернативные религиозным. Канадский географ Теренс Макги метко назвал столичные города «культовыми центрами национализма» (McGee, 1967). Действительно, элементы устройства и церемониал сакральных столиц становятся строительным материалом в создании культовых форм праздников, торжественных шествий, парадов, фестивалей и самого культа нации и национальной истории, вокруг которого они формируются.

В новом пантеоне святые и мученики за веру сменяются иными мучениками – жертвами борьбы за национальное освобождение и национальное единство нации, увековеченными и множество раз оплаканными в памятниках и скорбных мемориальных комплексах. Создаются капища героям и национальным святым, в особенности национальным писателям и поэтам, погибшим, как правило, молодыми. Памятники увековечивают прерванный полет их молодости, предугадавшей триумфальное утро национальной славы. Можно сказать, что центральные площади города становятся вывернутыми наизнанку церквями со своим иконостасом, памятниками героям борьбы с иностранными угнетателями и интервенциями, религиозным догматизмом или неограниченной властью короля. Это искупительные жертвы на алтарях национальной правды.

Но наряду с явными заимствованиями происходит и создание новых форм и смена акцентов в устройстве столичного города. Главными его центрами становятся парламент и биржа, которые сменяют в этой роли церковь и замок. Крепость, утратившая непосредственное военное значение и предназначение защитницы города, сменяется на символическую демонстрацию военной силы, воплощенную в самой грандиозности столичного города и в его подчас циклопических формах. Символизация и гиперболизация военной мощи заменяет таким образом

реальные военные укрепления. Производство, обмен и потребление выделяются в отдельные части города.

Меняется также и нарратив национальной истории. Преображенный воображением, хронос этого нарратива вливается в визуальный топос столичного города, образуя воронки из национальных достижений, площадей побед и памятников героям освободительного движения. Столица становится книгой национальной истории в миниатюре. В некоторых случаях происходит символическая адаптация старых символов королевской или имперской власти, которые интерпретируются уже только в качестве глав или декоративных элементов в нарративе национальной истории.

По словам Мишеля Вагенара, градостроители европейских столиц XIX века пытались создать «музеи нации под открытым небом» (Wagenaar, 2001: 350). Столица пытается отобразить и структурировать не только национальное время, но и национальное пространство: топографические названия столицы и ее иконография воплощают при этом различные части и конституирующие элементы нации. Власть воспекает в столице свое величие и славу. Столица превращается в архитектурный гимн нации, а ее улицы и площади звучат национальным маршем. Параллельно происходит и своего рода музеификация старых смыслов и символов, которые вплетают их в гирлянды героики национальной истории.

Национализация столицы завершает процесс формирования нации. Городское начало, начало религиозного благоговения и восторга, а также государственная власть, прежде разрозненные и пространственно разделенные, теперь соединяются в столичном городе. Возникшая незадолго до нации, столица, таким образом, позволяет нации консолидироваться, конденсировать свои смыслы и символы и осознать себя как нечто реальное и единое.

Теория Стейна Роккана

Теория известного норвежского политического социолога Стейна Роккана (1921–1979) позволяет ответить на вопрос, почему в некоторых странах возникали «жесткие» политические столицы, а в других – более мягкие.

Как мы уже отмечали выше, в Европе существует два типа столичных городов – те, которые полностью доминируют над системой городов, и те, которые особенно не выделяются среди других городов. Следуя Умберто Эко, мы называли такие города соответственно жесткими и мягкими столицами.

Стейн Роккан предложил оригинальное объяснение причин различия стран с *моноцефальной* и *полицефальной* структурой городов. С его точки зрения, сформулированной в *Концептуальной карте Европы*, это различие объясняется периферийным или центральным положением страны по отношению к урбанистическому эпицентру континента, где плотность городов достигает особой густоты и где традиционно концентрировались торговые пути и коммерческие города Старой Европы (Rokkan, 1999, 1976, 1980).

Роккан обращает внимание на ось Север-Юг в Центральной Европе, где располагались важнейшие торговые пути, связывавшие северную ее часть, Ганзу, с Италией и Средиземноморьем. Роккан называет эту ось *поясом городов*, который и сегодня плотно охватывает города Бельгии, Голландии, Германии, Швейцарии, Северной Италии и Южной Франции (Rokkan, 1999: 128, 145, 156).

Чем дальше от торговых трактов располагается политический центр, вокруг которого происходит государственное строительство, тем более крупной и весомой столицей он становится как с точки зрения концентрации населения, так и с точки зрения функций по отношению к целому. Чем ближе к торговым трактам, тем менее самодовлеющей оказывается такая столица.

Тезис Роккана также состоит в том, что чем гуще сеть городов в стране, тем менее значим центр и тем больше шансов формирования полицефальной урбанистической структуры. Чем реже сеть городов, тем, напротив, более значим политический центр. Территории к западу и к востоку от торгового пояса, считал Роккан, строились вокруг сильных центральных районов, связанных с государственным строительством, и у них не было серьезных конкурентов среди городов близких к старым торговым трактам.

Одной из импликаций теории Роккана является также идея о том, что развитая система городов выступает важным буфером против абсолютистской власти и сверхцентрализации (Rokkan, 1973; 1980). Не случайно крупные централизованные европейские государства возникают на перифериях пояса городов, консолидируясь вокруг Парижа, Лондона, Вены, Мадрида, Берлина, Москвы и Стамбула, – боевых ладей, обрамляющих мобильные фигуры коммерции и торговли.

В соответствии с этими закономерностями, отмеченными Рокканом, на западе от этого пояса сформировались такие централизованные моноцефальные государства, как Франция, Испания, Португалия, Великобритания и Скандинавия (Rokkan, 1999: 159). На востоке от нее властвовали централизованные государства – Австрия, Османская империя и Россия. Высокоцентрализованные государства также складывались на севере, в Скандинавии. В центре же этой системы, в густоте городов, лежала группа полицефальных государств, политическая и урбанистическая структура которых определяется полицентричностью и большей автономией по отношению к государственному целому.

Стейн Роккан не распространяет свой анализ на Восточную Европу, но замечает, что пространство между Москвой, Веной и Константинополем характеризуется чрезвычайно низкой плотностью городов и, таким образом, значительно предрасположено к моноцефальности. Необходимо подчеркнуть и качественную разницу между западно– и центрально-европейскими городами, которые традиционно являлись независимыми коммерческими или ремесленными центрами с развитыми формами самоуправления, и восточноевропейскими и русскими городами, которые гораздо чаще формировались как административные центры или военные крепости.

Развитие индустриального сектора в Великобритании и Франции в XVIII–XIX веках, которое требовало достаточной централизации политического управления и организационной мобилизации ресурсов, было определено подъемом и триумфом национальных экономик целиком в противоположность фрагментированным экономикам, основанным на автономных коммерческих городах. Вероятно, поэтому такие страны, как Бельгия, Швейцария, Германия и государства северо-западной Италии с некоторым опозданием ступили на путь индустриализации и несколько позже стали превращаться в национальные государства.

Для ранних этапов индустриальной революции была фундаментально важна ситуация политической централизации и экономического развития, которая подпитывалась государственной машиной. С этой централизованной структурой были также связаны крупнейшие частно-государственные предприятия, способные более эффективно мобилизовывать человеческие, технические, транспортные и другие материальные ресурсы страны, прежде всего капитал и насилие. Примерами таких частно-государственных корпораций были Вест-Индская и Ост-Индская компании, которые доминировали в экономической и политической жизни Великобритании и Голландии, странах, которые оказались в центре развития мирового хозяйства. Столичные города, не располагая самыми активными производственными мощностями, тем не менее оказались в центре этих экономических процессов.

Наиболее централизованной из тех стран, которые сложились на западе от пояса городов, – как в демографическом плане, так и в плане устройства ее урбанистической иерархии – была Великобритания. Это отразилось и в более высоком уровне приматности ее столичного города, первенство которого

в стране имело длительную историческую традицию. Известный британский историк Джон Моррилл видит истоки такой первичности далеко в истории, противопоставляя в этом отношении Лондон другим европейским городам:

В Париже, самом большом городе Франции, в середине XVII века было 350000 жителей. Вторым и третьим по величине городами в стране были Руан и Лион с 80000-100000 жителей. В Европе в это время было всего пять городов, население которых превышало 250000 жителей, но более ста городов с населением свыше 50000 человек. Однако в Лондоне в 1640–1660 годах насчитывалось уже более полумиллиона жителей. В Ньюкасле, Бристоле и Норвиче, которые боролись за статус второго города, едва набиралось по 25000 человек. Лондон был больше, чем следующие пятьдесят городов, вместе взятые (Morrell, 2000: 87).

Роккан не занимался описанием торговых городов, их взаимодействиями с централизованными государствами и устройствами урбанистических сетей за пределами Европы.

Тем не менее во многих регионах мира существовали свои «пояса городов», которые определяли международную торговлю в своих регионах и структурировали пространство. Вокруг этих неевропейских поясов городов также складывались относительно централизованные государства. Примерами подобных поясов городов – вряд ли вполне сопоставимыми по масштабам и последствиям с европейскими – были транзитные города на известных международных торговых и караванных трактах²¹. Примерами таких градообразующих международных торговых путей могут служить помимо Великого шелкового пути из Китая в Средиземноморье гораздо менее известные сегодня пути – Путь благовоний (иногда называвшийся также Золотым путем) в Аравии, Великая магистраль в Индии (из Афганистана в Калькутту), Великий малоазийско-армянский торговый путь, Путь пряностей в Южной Азии, Путь из варяг в греки и Серебряный путь из «варяг в арапы» (иногда также называвшийся Великим Волжским путем), соляные пути, или шляхи, в Южной Америке, Восточной Европе и в Тибете, Соболий путь в Азии (он проходил немного севернее Шелкового пути и вел с Дальнего Востока в Персию), а также Чайный путь. В этой связи можно также вспомнить более локальные Меховой путь в Сибири и Путь опиума в Бирме. В глубокой древности существовал также известный Лазуритовый путь, связывавший Среднюю Азию с Египтом.

Но эта многообещающая тема неевропейских городских сетей и конфигурации их политических пространств в контексте централизованных государств, размеров их столиц и характера городских сетей и иерархий требует отдельного специализированного изучения.

Столицы в вестфальской системе

Вестфальская территориальная система господства более строго очертила легитимное пространство власти и закрепила концепцию *территориального государства*, которое получило приоритет в определении идентичности.

Вестфальская система закрепила идеи нации и национализма в особой политической системе. В соответствии с принципами демаркации границ (*limis*), которые оказались значимыми для всех частей проекта модерна (от разграничения наук до государственных территорий), строгие территориальные границы отныне будут определять европейскую политику. Вестфальская система провозгласила приоритет территориальной концепции нации над религиозной идентичностью, что отразилось в формуле: чья территория, того и вера. Идеология национализма приобретает юридическую форму, и национально-государственные обязатель-

²¹ Историки отмечают, что в случае Европы, описанном Рокканом, трудно говорить о каком-то строго определенном торговом пути, который проходил через пояс городов и сформировал его (Nedreb0, Toge, 2012). Кроме того, само устройство пояса городов достаточно аморфно и с трудом поддается геометрическому описанию.

ства вытесняют систему смешанных обязательств, а также промежуточные, аморфные и множественные юрисдикции.

Канадский политолог Эдвард Шац выдвигает интересную гипотезу относительно различных траекторий развития столичности в европейских и неевропейских обществах, связывая европейскую концепцию столицы с вестфальской системой.

Вестфальская система институционализировала качественный поворот в трактовке природы политической власти: власть стала пониматься не в контексте отношений между личностью правителя и народом, а в качестве территориальной власти. В Европе процесс государственного и национального строительства предшествовал возникновению современного государства. Еще до возникновения структур современного государства были созданы системы налогообложения и всеобщей воинской обязанности и были предприняты попытки гомогенизировать население государств и завоевать его лояльность апелляцией к идеям и символам нации. Эти процессы, которые были юридически зафиксированы в Вестфальской системе, продолжались в новых формах и после 1648 года (Schatz, 2004).

За пределами Европы характер отношений между государством и народом и порядок возникновения этих институтов был принципиально иным. Государства предпринимали попытки создания жизнеспособных структур и институтов, пытаясь заручиться поддержкой многообразного населения этих государств. При этом идеи суверенности народа заимствовались неевропейскими обществами у европейских стран. До того как эти народы заручились суверенностью на родине, их права уже были признаны в международном праве. Из этого положения Шац выводит различия в понимании столичных функций (Schatz, 2004:16).

В Европе элиты использовали столицу для распространения своей власти и влияния на периферию, что было необходимо для контроля над территориями. Столицы, таким образом, служили целям государства. Таким образом, в Европе столицы стали неотъемлемой частью государственного и национального строительства. В неевропейских обществах, напротив, государственность не зависела от правительств, которым бы надо было утверждать свою власть и добиваться лояльности территорий. В неевропейских обществах столицы поэтому в недостаточной степени отражали цели и задачи государства. Поэтому у постколониальных элит возникла необходимость создания полноценных столиц европейского образца (Schatz, 2004).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.